

Морская летопись

ЛЖЕГЕРОИ

**РУССКОГО
ФЛОТА**

Владимир Шигин

Владимир Виленович Шигин
Лжегерои русского флота
Серия «Морская летопись»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104409

В. В. Шигин. Лжегерои русского флота: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2015

ISBN 978-5-9533-5064-8

Аннотация

В новой книге писателя–мариниста капитана 1–го ранга В. Шигина рассказывается о некоторых деятелях отечественного флота, которые в силу стечения обстоятельств и политической конъюнктуры в советское время были объявлены героями. Среди них – руководитель восстания на броненосце «Потемкин» Афанасий Матюшенко, знаменитый «красный лейтенант» Петр Шмидт и другие. В результате многолетних исторических изысканий и работы в архивах автору удалось собрать уникальные документы и свидетельства, совершенно по-новому освещающие, казалось бы, хорошо известные нам исторические события, а также истинную роль в них отдельных исторических личностей.

Содержание

«Непобежденная территория революции»	5
Классическая версия восстания	6
Мятеж, как это было в действительности	8
За что убивали офицеров	14
Миф о червивом мясе	23
Пресловутый брезент Эйзенштейна	26
Тайна убийства Вакуленчука	31
Предатель Матюшенко	39
Мятежная Одесса	46
Ба, да тож известный всей Одессе Фельдман!	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владимир Шигин

Лжегерои русского флота

© Шигин В. В., 2010

© ООО «Издательство «Вече», 2010

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2010

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

«Непобежденная территория революции»

*День прошел.
На заре,
Облачась в дымовую завесу,
Крикнул в рупор матросам матрос:
– Выбирай якоря! —
Голос в облаке смолк.
Броненосец пошел на Одессу,
По суровому кряжу
Оранжевым крапом
Горя.*

Б. Пастернак

Кто из нас не слышал о восстании на эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический»? Кто не помнит знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна, ставший не только классикой мирового кинематографа, но и гимном всем революциям мира!? А потому совсем не случайно, что и само восстание на броненосце «Потемкин», с момента которого уже минуло сто лет, мы вольно или невольно, но воспринимаем именно через знаменитый фильм.

Однако зададимся вопросом: почему, когда и у кого вообще возникла потребность в создании именно этого фильма, ведь в распоряжении режиссера и сценариста имелось немало других героических сюжетов из недавнего революционного прошлого России? Почему же воспеты в фильме были именно события не социалистической 1917-го, а буржуазной 1905 года революции? Почему не «Аврора», а «Потемкин»? На этот, казалось бы, на первый взгляд совершенно неважный вопрос мы и попытаемся ответить, ибо именно в нем кроются многие тайны трагических событий лета 1905 года.

Вне всяких сомнений, утверждавший романтическую версию одного из самых кровавых восстаний отечественного флота фильм был сделан столь талантливо и убедительно, что нашел путь к сердцам миллионов зрителей. Однако попробуем разобраться в том, насколько правдиво отражает знаменитая кинолента настоящий ход событий на «Потемкине»? Да и все ли мы знаем о том, что в действительности предшествовало восстанию на броненосце и как оно проходило на самом деле?

Классическая версия восстания

История восстания на эскадренном броненосце «Потемкин» в «классическом» изложении многочисленных книг, публикаций и учебников в общих чертах выглядит следующим образом. На броненосце Черноморского флота «Потемкин» к середине 1905 года сложились невыносимые условия службы. Командование корабля постоянно и вполне осознанно измывалось над своими матросами. Особенно тяжело пришлось матросам во время учебного плавания к Тендеровской косе. Чашу терпения голодной и замордованной команды переполнила весть о том, что их будут кормить на обед борщом из червивого мяса. Матросы отказываются от некачественного борща. Возбешенный командир строит команду на палубе и приказывает всем есть борщ! Чтобы не доводить дела до крайнего обострения, наиболее сознательные матросы-большевики во главе с Григорием Вакуленчуком выходят из строя и говорят, что согласны есть борщ. Они считают, что время восстания на броненосце еще не пришло и его надо устроить на всем флоте одновременно, причем несколько позднее. За матросами-большевиками соглашаются есть борщ и все остальные. Инцидент, кажется, исчерпан, но командир корабля внезапно для всех решает жестоко покарать не желавших обедать матросов. Он приказывает отделить часть команды для публичного массового расстрела здесь же на палубе. Матрос Вакуленчук пытается предотвратить расправу, но разъяренный старший офицер смертельно ранит матроса из револьвера.

Убийство Вакуленчука служит сигналом к восстанию. Самый близкий друг и соратник Вакуленчука матрос Афанасий Матюшенко тут же из винтовки убивает старшего офицера, после чего матросы убивают особо ненавистных офицеров, поднимают красный флаг, избирают матросский комитет для руководства кораблем и спешат в Одессу на помощь восставшим рабочим. Там они организуют похороны Вакуленчука, стреляют из орудий по правительственным войскам, а потом выходят из порта навстречу правительственной эскадре и в молчаливом поединке заставляют царских адмиралов признать свое поражение. Однако офицеры не дают остальным кораблям примкнуть к восстанию. К восставшему броненосцу присоединяется броненосец «Георгий Победоносец», но предатели революции быстро выводят его из строя, и «Потемкин» снова остается один.

В течение недели «Потемкин» бороздит Черное море, сея страх в душах властей поддерживающих. Он еще раз наводит ужас на царскую власть в Феодосии, а затем, когда кончается уголь, уходит в Румынию. Там потемкинцы сходят на берег и пополняют собой ряды революционеров-эмигрантов.

Значение восстания на «Потемкине» высоко оценил в ряде своих работ В. И. Ленин как первое восстание против царского режима целой воинской части в полном составе. Именно В. И. Ленин и дал характеристику мятежному «Потемкину» как «непобежденной территории революции».

С большими или меньшими подробностями, но именно такая «классическая» версия восстания на знаменитом броненосце кочует уже больше века из одного научного труда в другой. На ее же основе пишутся учебники истории и популярные книжки.

Удивительно, но, несмотря на изобилие всевозможной литературы о «Потемкине», что-либо конкретного и документально подтвержденного о событиях на «Потемкине» известно крайне мало. И это совсем не случайно! Начать надо хотя бы с того, что в архиве ВМФ следственные материалы о восстании на «Потемкине» почему-то отсутствуют. Там в изобилии имеются документы по восстанию на крейсере «Очаков», о восстании в Свеаборге и Кронштадте, а о «Потемкине» практически ничего нет. Почему? Этого не знает никто. Когда и кто изъясил «потемкинские» документы, неизвестно. Где они находятся, ныне тоже непонятно. Судя по всему, сделано это было уже давно, так как никто из историков никогда

материалами расследования «потемкинского дела» не пользовался. Почему? Может, потому, что там имеется много такого, что в корне расходится с навязываемой нам официальной версией?

Именно поэтому практически единственным источником информации о восстании на броненосце «Потемкин» всегда традиционно были воспоминания участников тех достопамятных событий. Их печатали, их цитировали, на них ссылались. Удивительно, но чем больше проходило времени с момента восстания, тем все больше и больше воспоминания, а затем и научные работы (на эти воспоминания ссылающиеся) становились как две капли воды похожими на сценарий кинофильма о «Потемкине». А потому, начиная разговор о восстании на броненосце «Потемкин», лучше всего обратиться к воспоминаниям людей, участвовавших в восстании на флоте.

В 1925 году к 20-летию революционных событий на Черноморском флоте всесоюзным обществом политических каторжан и ссыльно-поселенцев была издана книга воспоминаний участников тех достопамятных событий, озаглавленная: «Революционное движение в Черноморском флоте в 1905 году. Сборник воспоминаний и материалов». Эта небольшая по объему книжка интересна сразу по нескольким причинам. Во-первых, воспоминания написаны до периода сталинской диктатуры, в период еще так называемых партийных свобод, а потому она полностью свободна от цензуры последующих лет. Во-вторых, перед нами воспоминания непосредственных участников восстания, написанные еще по относительно свежим следам революционных событий до выхода на широкий экран знаменитого кинофильма, а, следовательно, свободные от версии Эйзенштейна.

В 1977 году я поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище. Где-то на втором курсе у нас объявили, что группа ротной художественной самодеятельности должна ехать в Киевский дом престарелых ветеранов партии, чтобы поздравить со столетним юбилеем последнего потемкинца, матроса Шестидесятого. Мне очень хотелось увидеть и услышать живого потемкинца, а потому я тоже наприсился в эту поездку.

Столетний ветеран к этому времени уже почти не вставал с кровати и пользовался слуховым аппаратом, однако сохранил трезвость ума. Когда наши ребята подарили ему традиционную флотскую тельняшку, спели пару революционных песен и сплясали «яблочко» прямо в палате, растроганный старик начал нам рассказывать о восстании на «Потемкине». Однако чем больше я его слушал, тем больше мне казалось, что ветеран просто пересказывает нам содержание хорошо известного фильма С. Эйзенштейна. Когда же Шестидесятый начал рассказывать о том, что собственными глазами видел, как на Потемкинской лестнице каратели расстреливали демонстрацию и вниз по ступням внезапно покатила детская коляска с ребенком (а это, как известно, был эпизод, придуманный самим Эйзенштейном, о чем уже тогда много писалось), все стало окончательно понятно. Разумеется, винить старика в том, что знаменитый кинофильм давным-давно перемешался для него с реальными событиями, нельзя. Сила искусства и преклонный возраст сделали здесь свое дело. Так началось мое знакомство с темой знаменитого восстания.

Увы, любое историческое событие постепенно обрастает легендами. Порой это происходит само по себе, однако чаще искусственное легендирование имеет ярко выраженный политический аспект. Любой правящий режим всегда старается «заработать» на истории и изменить прошлое в свою пользу. Говорят, что историки тем и отличаются от Бога, что, в отличие от него, могут менять прошлое по своему усмотрению.

Видимо, настала пора и нам разобраться с событиями, произошедшими в 1905 году на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», восстановить истинный ход событий и дать беспристрастную оценку тем давним событиям. Интерес этот далеко не праздный, так как и сегодня определенные политические силы, ставя все с ног на голову, пытаются извлечь из истории с восстанием на броненосце «Потемкин» политические дивиденды.

Мятеж, как это было в действительности

Итак, в воскресенье 12 июня 1905 года новейший эскадренный броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» вышел на учебные стрельбы из Севастополя в Тендеровский залив в сопровождении миноносца № 267. За день до этого на корабле произошло сразу два тревожных события. Во-первых, сразу 50 матросов под разными предлогами обратились к командованию с просьбой списать их с броненосца. Вероятно, они знали о подготовке восстания и не желали в нем участвовать. Во-вторых, кто-то из них предупредил командира анонимным письмом о планируемом мятеже и называл имена руководителей. Однако командир броненосца капитан 1-го ранга Голиков почему-то оставил оба эти происшествия без должного внимания.

13 июня 1905 года эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» в сопровождении миноносца № 267 прибыл к Тендеровской косе для проведения опытных стрельб в присутствии прибывшей из Петербурга комиссии. Корабль был недавно спущен на воду, и необходимо было проверить качество новых орудий. Кроме этого команда «Потемкина» в основном состояла из новобранцев и молодых матросов с других кораблей. Старослужащих, прослуживших на флоте более пяти лет, было всего около ста человек.

Историк Р. М. Мельников так описывал в своей книге «Броненосец “Потемкин”» события, предшествующие мятежу: «12 июня 1905 года “Потемкин” снялся с бочки на большом Севастопольском рейде и, обогнув Константиновскую батарею, проложил курс на север. На левом траверзе корабля держался назначенный в распоряжение командира броненосца маленький 77-тонный миноносец № 267, давно уже, как и его собратья постройки 80-х годов, использовавшийся для посыльной службы. Командовал им “по совместительству” единственный на борту офицер лейтенант барон Клодт фон Юргенсбург, артиллерийский офицер “Потемкина”... В 7 часов утра в понедельник 13 июня, обогнув справа длинную песчаную косу, корабли отдали якоря в пустынной Тендеровской бухте. Уже оборудованная после зимы навигационными знаками бухта должна была вскоре заполниться кораблями Практической эскадры, которая, подобно полкам, уходившим из казарм на лето в полевые лагеря, перебиралась с началом кампании для учений на удаленный от городских соблазнов и закрытый с моря удобный тендеровский рейд. Высланный вперед «Потемкин» должен был до прихода эскадры успеть выполнить задуманные МТК опытные стрельбы с целью определить эффективность действия снарядов при падении в воду вблизи борта корабля. Для участия в стрельбах на корабль прибыли специально командированные из Петербурга начальник артиллерийской чертежной МТК полковник И. А. Шульц и член комиссии морских артиллерийских опытов лейтенант Григорьев.

Днем миноносец № 267, приняв мичмана Макарова, артельщика и буфетчика броненосца, ушел за провизией в Одессу, а командир Е. Н. Голиков, полковник И. А. Шульц и несколько офицеров отправились на берег для осмотра бетонных укреплений и рыбного завода. С управляющим заводом командир договорился о сетях для коллективной рыбной ловли – испытанного и безотказного средства отдыха и развлечения матросов, позволявшего на время забыть о тяготах службы, а заодно и отвлечь от опасных мыслей.

Между тем покинувший в 21 час Одессу экипаж миноносца № 267 был весь во власти тревожной обстановки в городе, охваченном широкой политической стачкой, вот-вот грозившей перерасти в вооруженное восстание. Доставленные на тихий тендеровский рейд известия о массовых избиениях и расстрелах забастовщиков в Одессе, о первых разгоревшихся схватках рабочих с полицией быстро распространились среди матросов. Общее возбуждение охватило корабль. Достаточно было самого незначительного повода и решительного призыва к действию, чтобы пламя восстания охватило корабль».

Итак, днем 13 июня ревизор мичман Макаров с баталером Геращенко, с двумя артельщиками и двумя коками отправились на миноносце № 267 в Одессу для закупки провизии. Поскольку в Одессе в этот день уже началась забастовка, пришлось закупить 28 пудов мяса в частном магазине Коновалова. Мясо, хотя и не местного, а привозного убоя, было пригодно к употреблению, другого в охваченной беспорядками Одессе в тот момент просто не было. Затем мясо еще более пяти часов пролежало в мешках на горячей палубе миноносца, который задержался в пути на два часа из-за столкновения с вышедшей в море без огней рыбацкой шаландой. Переданное на броненосец после трех часов ночи мясо, по свидетельству вахтенного прапорщика Ястребцева, было с небольшим «запашком». Заметим, что в это время Голиков уже договорился не только об организации рыбалки для матросов, но и по доставке на корабль свежей рыбы, чтобы разнообразить матросский стол. Об этом факте историки постараются забыть, еще бы, сатрап Голиков, «кормивший своих матросов червивым мясом», и вдруг такая забота о тех же матросах! Это никак не укладывалось в миф о «Потемкине». Кроме этого отметим, что 13 июня был объявлен на корабле выходным днем и команда броненосца отдыхала. Матросы лишь посменно несли стояночную вахту у действующих механизмов, все же остальные загорали на палубе, спали, читали и ловили с борта рыбу. Никаких занятий, никаких издевательств и притеснений. Этот факт отмечен в вахтенном журнале броненосца. Что ж, не так уж и плохо служилось на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

В ночь на 14 июня часть привезенного мяса пошла на дневную варку борща для команды, а остальное повесили в мешках на спардеке.

В 10 утра началось купание команды в море. После купания боцмана просвистели сигнал «К вину» и команда выстроилась на баке на традиционную чарку, за которой должен был последовать и обед. В это время вахтенному квартирмейстеру матросу Луцаеву кто-то из команды заметил, будто борщ сварен из плохого мяса. Как «кто-то из команды» мог заметить приготовление борща из некачественного мяса, непонятно. Кто хоть немного представляет себе организацию корабельной службы, знает, что доступ на камбуз на военном корабле весьма ограничен. Скорее всего вахтенного квартирмейстера известили бы о «плохом борще» в любом случае, так как решение на мятеж было уже принято.

Дисциплинированный Луцаев немедленно доложил информацию о борще на вахту, после чего висевшее на спардеке мясо было освидетельствовано в присутствии мичмана Макарова старшим судовым врачом Смирновым. Он нашел его достаточно свежим, нуждающимся лишь в промывке рассолом для удаления замеченных на нем местами личинок домашней мухи: в жаркое время они легко появляются на всяком мясе. Никаких червей, как потом ввали многочисленные историки, на мясе обнаружено НЕ БЫЛО!

О результатах освидетельствования доложили старшему офицеру, и тот распорядился выдавать команде обед. Но лишь только в камбузе началась раздача борща по бачкам, откуда ни возьмись появился минный машинный квартирмейстер Афанасий Матюшенко с несколькими подручными матросами и под угрозой избиения запретил бачковым разбирать бачки с борщом. Он-де сварен из червивого мяса! Бачковые, большинство которых составляли молодые матросы, разумеется, выполнили указание Матюшенко, так как знали, что связываться с ним далеко не безопасно.

Историк Ю. Кардашев в своем труде «Буревестники» так описывает этот момент: «... Матросы удерживали друг друга за рукава. “Куда идете, – говорили они товарищам, – есть борщ с червями?”» Вот так вот просто нежно удерживали «друг друга за рукава». Увы, на самом деле боевики Матюшенко кулаками отгоняли команду от обеденных баков. Часть команды уже начала есть, поэтому у них опрокидывали баки с борщом и пинками выгоняли наверх. Тех, кто все же пытался есть, грозили выкинуть за борт. Составлялись списки «борщеедов», и Матюшенко грозил им расправой. Одному из таких бедолаг, посмевавшему,

вопреки приказу Матюшенко съесть свой борщ, кочегару М. Хандыге, удалось вскоре бежать с «Потемкина» по его приходе в Одессу. Он-то и рассказал первые подробности о мятеже на броненосце. Заметим, что те, кто поел свой борщ, но уже после захвата власти, были отнесены к категории надежных. Позднее станет известно, что сам Матюшенко от себя ничего не придумал. Он действовал в точности с переданной ему из Одессы инструкцией, в которой упоминалось именно о червях в мясе как о самом лучшем поводе для возбуждения команды.

Затем Матюшенко с подручными вошли в батарейную палубу и запретили садящейся за обед команде опускать обеденные столы, после чего стали кулаками и пинками выгонять матросов из батарейной палубы. Молодые матросы привыкли повиноваться матросам, прослужившим на флоте несколько лет. И когда Матюшенко со своими сообщниками стал силой гнать всех из камбуза и батарейной палубы, часть команды (а это были в основном новобранцы), разбирая куски хлеба, потянулась на бак. Тех, кто пытался пообедать украдкой, били и гнали наверх.

После этого Матюшенко со своей братвой явился к вахтенному квартирмейстеру Луцаеву и заявил, что команда жалуется на недоброкачественность борща и есть его не желает. Это заявление через старшего офицера капитана 2-го ранга Гиляровского было немедленно доложено командиру броненосца капитану 1-го ранга Голикову. Тот вышел на шканцы, приказал играть сбор и вызвал судового врача Смирнова.

Когда команда собралась, Голиков разъяснил необоснованность ее претензий и приказал тем, кто готов обедать, выйти из фронта. Практически вся команда вышла из фронта. Первым вышел пользовавшийся большим авторитетом кондуктор Вакуленчук. Отказников оказалось, по воспоминаниям очевидцев, человек тридцать – Матюшенко и его подручные. Вызвав караул, Голиков приказал арестовать их и отправить в карцер для последующего разбирательства.

Историк Ю. Кардашев так описывает этот момент: «...Старший офицер И. Гиляровский решил, что если из строя выйдут все, то виновных не останется. «Караул, окружите их! Переписать их имена! – продолжал командовать он. – Остальным обедать!»

Как только этот приказ прозвучал (потом историки выдумают, будто Голиков приказал расстреливать матросов), эти отказники по приказу Матюшенко внезапно бросились в батарейную палубу, стали там ломать оружейные пирамиды, разбирать винтовки и требовать патронов. За ними в батарейную палубу устремилась часть команды из строя.

Только тогда Голиков приказал караулу зарядить ружья, а находящимся на шканцах офицерам пересчитать всю оставшуюся в строю команду. В это время из батарейной палубы выбежал Матюшенко с криком: «Что вы, братцы, неужели в своих стрелять будете?» Разбив о палубу винтовку и бросив ее в сторону командира, он, крикнув: «Смотри, Голиков, будешь завтра висеть на ноке», – снова скрылся в батарейную палубу. Голиков приказал старшему офицеру вместе с караулом спуститься и поймать Матюшенко.

Когда сторонники Матюшенко кинулись за оружием, капитан 1-го ранга Голиков крикнул в сторону батарейной палубы: «Кто не хочет участвовать с бунтовщиками, переходи ко мне!» Одновременно он распорядился дать сигнал общего сбора, а фельдфебелям вывести команду на ют.

Часть караула еще оставалась верными командиру. Что касается Гиляровского, то он уже отшел за башню Вакуленчука для разговора о прекращении беспорядков. На призыв командира корабля откликнулась большая часть матросов, которые двинулась в сторону командира.

«Это был решительный и страшный момент, – признается в своих мемуарах Матюшенко. Дело шло о жизни и смерти либо командующих офицеров, либо команды (?) Если бы офицеры остались в живых, они могли бы повернуть все дело в свою пользу, восстание

за народную свободу было бы проиграно и команда попала бы под расстрел». Под словом «команда» вдохновитель мятежа в данном случае подразумевает себя и своих сторонников.

И вот именно тогда прозвучали несколько выстрелов в эту толпу. Несколько человек были убиты и ранены. Позднее эти выстрелы пытались свалить на офицеров корабля. Однако фамилии конкретно стрелявших офицеров почему-то никогда никем не называются. Но зачем же было Голикову и офицерам стрелять в матросов, которые откликнулись на призыв командира? По всей видимости, несколько провокационных выстрелов в толпу произвели сторонники Матюшенко, захватившие к этому времени винтовки у матросов караула. Выстрелы и падающие товарищи произвели на команду жуткое впечатление, и вся матросская масса сразу же бросилась врассыпную в нижние помещения.

Вскоре наверху остались в основном подручные Матюшенко и офицеры, после чего и началась расправа над последними. В это время со спардека также раздались ружейные выстрелы. Это подручные Матюшенко прицельными выстрелами убили лейтенанта Неупокоева и часового у кормового флага. Мятеж начался! Находившиеся на шканцах матросы в панике бросились к люку адмиральского помещения, куда спустился командир Голиков. Другие стали бросаться за борт, пытаясь вплавь добраться до стоявшего за кормой миноносца. По ним сразу же стали стрелять «матюшенковцы», убив лейтенанта Григорьева, прапорщика Ливенцова и несколько матросов. Потом мятежники обвинят в их гибели офицеров. Есть сведения, что по людям в воде в азарте стреляли даже из 47-мм пушки.

Далее описание событий разнится. По одной из версий, в это время капитан 2-го ранга Гиляровский, спасаясь от пуль, с тремя оставшимися рядом с ним матросами караула попытался уйти под прикрытие башни. Но из батарейной палубы якобы выскочил матрос Вакуленчук с винтовкой в руках. Заметив целившегося в него Вакуленчука, Гиляровский выхватил из рук караульного винтовку и выстрелил в матроса. Раненый Вакуленчук отбежал к борту и, потеряв равновесие, упал в воду. В это время со спардека раздался новый залп, которым был убит Гиляровский.

Позднее мы еще поговорим о весьма странных обстоятельствах почти одновременной гибели Гиляровского и Вакуленчука.

Тем временем заговорщики, вооруженные винтовками, стали собираться на шканцах, ободряя команду и уговаривая ее продолжать бунт. После этого началась кровавая расправа над офицерами, о которой мы ниже поговорим отдельно. Когда часть офицеров была зверски убита, а остальные раненые и избитые заперты в одной из кают, Матюшенко стал полновластным хозяином корабля.

Так как командовать броненосцем он не мог, Матюшенко назначил прапорщика Алексева командиром броненосца, кондуктора Мурзака – старшим офицером, кондуктора Шопоренко – артиллерийским офицером, квартирмейстеров Волгина и Коровенского – вахтенными начальниками. Общее «политическое» руководство взялся осуществлять, разумеется, сам Матюшенко.

Все происшедшее на «Потемкине», разумеется, заметил вахтенный стоявшего у «Потемкина» за кормой миноносца № 267 (миноносец помимо номера имел еще и собственное название «Измаил»). Вахтенный немедленно доложил командиру Клодту, что на броненосце происходит бунт. Выскочив наверх и убедившись в правильности доклада, лейтенант Клодт решил сняться с якоря и уйти от броненосца. Но выбрать якорь не удалось: по миноносцу стали стрелять с броненосца из винтовок, а потом из 47- и 75-мм орудий. Лейтенант Клодт, не желая подвергать миноносец обстрелу, отправился на броненосец. Здесь он увидел новоиспеченного командира Алексева и толпу матросов, которые предложили ему исполнять обязанности старшего офицера. Клодт решительно отказался. Тогда с него сорвали погоны, избили и связали. В версии советских историков эти события были представлены по-иному: дескать, команда миноносца, увидев происходящее на броненосце, сама

примкнула к бунтовщикам. На самом деле миноносец был попросту захвачен под прицелом направленных на него орудий броненосца.

Историк потемкинских событий Б. И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «Из группы обреченных раздались голоса: “Ваше высокоблагородие, не стреляйте, мы не бунтовщики!” Все напряженно ждали, что будет дальше. Зловещую тишину разорвал призыв А. Н. Матюшенко: “Братцы, что они делают с нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!”

Революционные моряки с криками “ура!” бросились на батарейную палубу и хватали винтовки. Но патронов не было. Несколько обойм, спрятанных заранее за иконой Николая Угодника, разобрали моментально. Тогда машинный ученик П. И. Глаголев взломал замок оружейного погреба, а подручный хозяина трюмных отсеков Я. Медведев вынес оттуда патроны. В ответ на растерянный вопрос лейтенанта В. К. Тона: “Чего же вы хотите?” – десятки гневных голосов грянули: “Свободы!”

На ходу заряжая винтовки, вооруженные матросы разъяренным потоком разлились по верхней палубе. В числе первых были машинисты А. С. Зиновьев и Ф. Я. Кашугин, минные машинисты Т. Г. Мартыанов, Н. Хохряков и И. П. Шестидесятый, кочегары В. А. Зиновьев и В. Б. Пригорнипкий, плотник И. П. Кобцы, ложник К. Н. Савотченко, матросы С. Я. Гузь, А. Н. Заулошнов, А. П. Сыров, Н. С. Фурсаев, комендоры И. П. Задорожный и Ф. И. Пятаков.

Пытаясь остановить их, старший офицер И. И. Гиляровский кинулся к левому проходу с батарейной палубы. А. Н. Матюшенко ударил его прикладом по ноге. Испуганный Гиляровский метнулся к Б. Н. Голикову: “Что же это делается, Евгений Николаевич?! Что же это делается?!”

А. Н. Матюшенко метнул в командира штык, но не попал. Б. Н. Голиков приказал строевому квартирмейстеру А. Я. Денчику взять часть караула и собрать всех матросов, на которых можно положиться. Денчик отобрал восемь караульных, но не успели они двинуться с места, как раздались выстрелы.

Первый выстрел – в воздух – сделал трюмный В. З. Никишкин, а третьим был убит лейтенант Л. К. Неупокоев.

Матросы кричали караулу: “Братцы, не стреляйте, ведь все мы братья!” Караул разбежался, но старший офицер И. И. Гиляровский успел взять у одного из караульных винтовку и укрыться за башней.

Услышав шум и крики, наверх выбежали обедавшие в кают-компании офицеры. Матросы Н. П. Рыжий и Е. Р. Бредихин перерезали провода в радиорубке, чтобы не дать им возможности сообщить о “бунте” в Севастополь. Восставшие заняли важнейшие посты на корабле в соответствии с заранее намеченным планом.

В то время как революционные моряки бросились за оружием, часть команды, более 200 человек, преимущественно новобранцы, в растерянности металась по палубе. Их пытался хоть как-то организовать член одной из революционных групп Я. Л. Горбунов. Командир Е. Н. Голиков, еще на что-то надеясь, приказал офицерам Д. П. Алексееву, Н. Я. Лизинцеву, А. Н. Макарову и Н. С. Ястребцову переписать фамилии не желающих бунтовать новобранцев, которых пытался поднять Горбунов. На миноноску он распорядился передать приказ подойти к “Потемкину” Но едва фельдфебель В. И. Михайленко начал передавать это распоряжение, послышался крик: “Кто семафорит, тот будет, как гадина, выброшен за борт!” Б. Н. Голиков рассчитывал бежать на миноноске вместе с офицерами. Но было поздно. Офицеры стали бросаться за борт. За ними последовала часть несознательных матросов.

Пока наверху команда расправлялась с офицерами, кочегары и машинисты под руководством С. А. Денисенко и Е. К. Резниченко, выполняя план восстания, готовили корабль к походу. Машинные кондукторы не оказали восставшим никакого сопротивления. Спе-

циально выделенные матросы периодически информировали кочегаров и машинистов о ходе вооруженной борьбы на верхней палубе. Машинисты собирали разобранные накануне машины.

А тем временем старший инженер-механик подполковник Н. Я. Цветков пробрался в кочегарку. Он приказал хозяину трюмных отсеков К. Давиденко затопить пороховые погреба, так как по всему кораблю прошел слух о готовящемся взрыве броненосца. С. А. Денисенко, появившийся в кочегарке вслед за Н. Я. Цветковым, сообщил кочегарам о ходе восстания, убедил их в ложности слуха о взрыве и велел разводить пары. Надежные матросы встали на караульные посты у всех клапанов затопления.

В пылу борьбы потемкинцы не обращали внимания на миноноску, стоявшую в десяти метрах по левому борту броненосца. Случайно с “Потемкина” заметили, что миноноска, до которой удалось доплыть некоторым офицерам, пытается сняться с якоря. По ней открыли стрельбу из винтовок. Несмотря на огонь, командир миноноски приказал выбрать якорный канат. Но канат захлестнулся на вьюшке. Командир попробовал оборвать его, дав задний ход, но безрезультатно. Для того чтобы не дать миноноске уйти, потемкинцы сделали по ней три выстрела из 47-миллиметровой пушки. Один из снарядов пробил дымовую трубу. После этого с миноноски передали семафором: “Присоединяюсь к “Потемкину””.

По требованию потемкинцев командир миноноски лейтенант П. М. Клодт фон Юргенсбург развернул ее кормой к броненосцу, а затем на лодке отправился на “Потемкин”. Восставшие предложили ему перейти на их сторону и исполнять обязанности старшего офицера. Но он отказался. Тогда с него сняли погоны и отвели под арест в кают-компанию “Потемкина”.

После этого с броненосца на миноноску перешли два машиниста, два кочегара, рулевой и еще около десяти вооруженных винтовками матросов. Караул арестовал офицеров и вернулся на броненосец. Но потемкинские машинисты, кочегары и рулевой в дальнейшем почти постоянно находились на борту миноноски, заменив соответствующих специалистов. Вероятно, потемкинцы не доверяли команде миноноски и поэтому держали на ней своих людей, которые не только стояли вахты и наблюдали за настроением команды, но также вели революционную агитацию».

После этого Матюшенко велел собрать «авторитетов», чтобы выслушать их предложения о дальнейших действиях. Некоторые предлагали тут же взорвать броненосец, другие – уходить в иностранный порт, третьи – идти с повинной в Севастополь. Затем слово взял сам Матюшенко и объявил, что броненосец пойдет в Одессу, где его уже ждут восставшие рабочие. После этого на верхней палубе был собран митинг, где Матюшенко снова объявил о походе в Одессу, там же для руководства всеми делами была избрана корабельная комиссия, возглавил которую, разумеется, сам же Матюшенко.

Спустя пять часов после начала восстания «Потемкин», бросив на произвол судьбы так и не законченные установкой щиты, снялся с якоря и взял курс на Одессу. На этом переходе мятежники выбрали из своей среды комиссию, которая должна была управлять всеми судовыми делами и корабельной кассой.

За что убивали офицеров

Из общего числа офицеров во время мятежа на корабле матросы убили семерых: командира броненосца капитана 1-го ранга Голикова, старшего офицера капитана 2-го ранга Гиляровского, лейтенантов Григорьева, Неупокоева, Тона, прапорщика Ливинцева и судового врача Смирнова.

Разумеется, идеализировать морской офицерский корпус России было бы совершенно неправильно. В отношении офицеров к матросам в определенной мере сказывалась и кастовость Морского корпуса, куда брали прежде всего сыновей офицеров и дворян. Как и в любом другом флоте (в том числе и советском), в российском императорском флоте тоже встречались различные люди. Попадались гордые и холодные аристократы, не видящие матросов в упор, были настоящие мужлань, которые если и не били матроса кулаком в лицо, то унижали его бранью и презрительными кличками, были вообще никчемные и бездарные личности. Но ни те, ни другие, ни третьи не определяли офицерского корпуса в целом, так как основу его составляли преданные флоту и Отечеству люди, понимавшие матросов и видевшие в них прежде всего защитников Отечества и своих боевых товарищей. Таких настоящих флотских офицеров было подавляющее большинство. Много их было и на «Потемкине». Отметим сразу, что личное отношение матросов к тем или иным офицерам на «Потемкине» никакого отношения на развитие событий на броненосце не имело. Все было предрешено заранее, и даже если бы на месте одних офицеров броненосца оказались другие, пусть даже самые демократичные и либеральные, это ничего бы не изменило.

Начиная разговор о зверской расправе над офицерами «Потемкина», необходимо отдельно сказать о командире «Потемкина» Евгении Николаевиче Голикове. По понятным причинам в советское время никогда ничего хорошего о нем не говорили. И не зря! Дело в том, что никаким «держимордой» командир «Потемкина» не был, а наоборот, являлся одним из храбрейших боевых офицеров российского флота. Официальный историк С. Найда о расправе с Голиковым говорит скороговоркой, дескать, командир был убит во время самого восстания. Это неправда! Голикова убили позднее, когда никакой надобности в этом не было! Почему убили? По двум причинам. Во-первых, убивали главного свидетеля, а, во-вторых, надо было повязать команду кровью.

Имя командира броненосца «Потемкин» Евгения Николаевича Голикова оболгано историей. А ведь это был один из выдающихся офицеров своей эпохи! Уже юным мичманом Евгений Голиков отважно сражался с турками на Дунае в 1877–1878 годах, вначале на минных катерах, которые бесстрашно ходили в атаку на турецкие броненосцы, а потом на мониторе «Систово». В 1880–1881 годах он принял предложение капитана 2-го ранга Макарова участвовать с ним в экспедиции в Среднюю Азию. Во время похода Голиков командовал ракетной установкой. Вместе с другими участниками экспедиции он мужественно переносил все тяжести похода по безжизненной пустыне и продемонстрировал отвагу при штурме неприступного Геок-Тепе. После окончания Ахалтекинской экспедиции, завершившейся взятием Геок-Тепе и присоединением Ахалтекинского оазиса к России, генерал М. Д. Скобелев, покидая Красноводск, издал следующий приказ: «Расформирование морской батареи и возвращение господ офицеров к своим частям по случаю окончания военных действий дает мне случай вновь высказать по долгу службы господам офицерам и молодцам матросам то искреннее уважение, которое внушили они боевым товарищам... В обстановке, для них совершенно чуждой, моряки еще раз доказали, как в незабвенные дни Севастополя и турецкой войны, что им по плечу все славное, доблестное, молодецкое. Участвуя во всех крупных делах экспедиции, морская батарея показала себя на высоте доблестных преданий нашего флота и кровью закрепила за собой свою заслуженную славу. От глубины всего сердца и

убеждения благодарю флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Макарова, командира батареи лейтенанта Шемана, мичманов Голикова и Майера. Молодцам матросам еще раз спасибо: они доблестно исполнили долг присяги и службы и гордо могут смотреть в глаза товарищам». За участие в Ахалтекинском походе молодой офицер был удостоен Анны 4-й степени «за храбрость», а за штурм Геок-Тепе орденом святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом – для мичмана награда очень и очень высокая!

Затем Голиков служил в гвардейском экипаже и несколько лет был флаг-офицером в плаваниях на императорских яхтах. Интеллигентный, грамотный и умный лейтенант пришелся по душе императору Александру Третьему, и тот всегда с удовольствием брал его с собой в море. Именно тогда будущий командир «Потемкина» достаточно близко познакомился и с будущим императором Николаем, который относился к флаг-офицеру с большим уважением и запросто называл его Женей. В 1883 году Голиков был на коронации Александра Третьего в Москве, что являлось большим доверием со стороны царствующей семьи. Однако придворная служба не удовлетворяла боевого офицера, и в 1885 году он переводится на Черноморский флот старшим офицером на канонерскую лодку «Уралец». А затем началось многолетнее командование Голикова различными кораблями и судами: транспорт «Псе-зуап» и шхуна «Гонец», броненосец береговой обороны «Новгород» и судно «Эриклик», канонерская лодка «Уралец» и транспорт «Березань». При этом Голиков являлся признанным знатоком парусного спорта и в 1888 году стал инициатором создания яхт-клуба в Николаеве.

В 1903 году Голиков получил назначение на достраивающийся эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический». С началом Русско-японской войны вице-адмирал Макаров запросил морское министерство прислать Голикова к нему в Порт-Артур (кроме Голикова, он просил прислать к нему капитана 1-го ранга Миклуху и нескольких других офицеров, которых лично знал по боевым делам в турецкую войну). Однако капитан 1-го ранга Голиков был оставлен на Черном море. Дело в том, что никто тогда еще не знал, как пойдет война, и в министерстве имелся план посылки на Дальний Восток отряда Черноморских кораблей, в том числе и «Потемкина». Когда же этот поход был отменен, Голикову был поручен скорейший ввод сильнейшего броненосца Черноморского флота в боевой состав, чем, собственно, летом 1905 года он и занимался.

В воспоминаниях матюшенковца Н. Рыжего командир броненосца Голиков предстает таким: «...Выше среднего роста, борода с проседью в форме лопатки, тупое выражение лица, манеры аристократа». Насчет манер аристократа спорить сложно, но вот насчет «тупого выражения лица» имеются сомнения. На дошедшем до нас портрете Е. Голикова у него, наоборот, на редкость весьма интеллигентное и приятное лицо. Впрочем, для матроса Н. Рыжего идеалом интеллектуала, видимо, был приклатненный корабельный «пахан» Матюшенко.

И. Пономарев в книге «Герои “Потемкина”» пишет: «Голиков... озверел. Он перестал уезжать на ночь домой, оставался на броненосце и каждую ночь обходил кубрики. Голиков наполовину сократил команде время на обед и стирку белья. Матросы вынуждены были стирать по ночам. С утра до вечера матросов гоняли то на ученья, то на работы. По приказанию Голикова ввели ежедневное мытье палуб с протиркой песком. Матросов избивали за самые малейшие проступки. Ухудшилось их питание».

О питании мы уже говорили, командир, который в день мятежа договаривается с местными рыбаками о поставке на корабль большого количества свежей рыбы для улучшения матросского стола, – это, скажу я вам (как человек, прослуживший в российском ВМФ более 30 лет), очень и очень заботливый командир. А в чем же остальные зверства Голикова? В том, что мало сходил с корабля и все силы отдавал приведению корабля в нормальное боевое состояние? Командир обходил по ночам кубрики! Так это, кстати, вообще вменялось в

обязанность офицерам на советском флоте! Голиков делал это по собственной инициативе, что тоже говорит о нем только как о трудолюбивом и ответственном командире. То, что с утра до вечера на корабле игрались учения и проводились работы, так для этого, собственно, матросы и служат, а не для того, чтобы валяться пузом вверх на палубе. О ежедневном мытье палубы я уже молчу! Корабль на то и корабль, чтобы на нем ежедневно проводилась приборка, причем несколько раз! Так происходит на всех кораблях нашего ВМФ и сегодня! Насчет избиений позволю себе вообще не согласиться с Пономаревым, так как даже при всей своей предвзятости ни один из реальных потемкинцев в своих мемуарах не привел ни одного акта избиения матроса офицерами броненосца. Увы, книга И. Пономарева «Герои “Потемкина”» одно из многих историко-фантастических произведений на «потемкинскую» тему.

Отметим, что помимо командования кораблем Голиков серьезно занимался расчетами организации централизованной стрельбы отрядом кораблей в морском бою. Именно из-за отсутствия такой централизации в ведении огня в определенной мере было проиграно Цусимское сражение. После смерти Голикова его работу продолжит контр-адмирал Цывинский. Результаты этой деятельности будут потрясающими, и к началу Первой мировой войны российский флот стрелял точнее всех в мире. К 1905 году по возрасту, прохождению службы и заслугам капитан 1-го ранга Голиков был уже вполне достоин контр-адмиральных эполет. Скорее всего все так бы и произошло, если бы не трагические события июля 1905 года. А потому я никогда не поверю, чтобы капитан 1-го ранга Голиков просил пощады у своих убийц. Я твердо уверен, что смерть он принял, гордо глядя в лицо палачам.

Над командиром броненосца, как мы уже знаем, была устроена самая настоящая показательная казнь. Мало кому известно, но у Матюшенко с Голиковым, как оказалось, были свои старые счеты. Дело в том, что в 1903 году Матюшенко служил под началом Голикова на транспорте «Березань», Тогда Матюшенко тоже пытался спровоцировать команду на бунт из-за якобы плохого обеда. Но командир судна в тот раз успокоил матросов, и авторитет Матюшенко был серьезно подорван. Теперь для него настала минута мести.

Из труда официального историка: «Командира Е. Н. Голикова матросы нашли раздетым в адмиральском помещении, где он собирался прыгнуть в море через иллюминатор. Он валялся в ногах у А. Н. Матюшенко, умоляя о пощаде. Его вывели на палубу и расстреляли».

Из воспоминаний потемкинца Н. Рыжего: «Капитан Голиков был выведен из своей каюты в одном белье... Голиков был расстрелян».

Из воспоминаний потемкинца И. Старцева: «Потом вытащили командира Голикова из его каюты голым, он хотел выброситься в иллюминатор и спастись от казни народной. Когда его вытащили он начал креститься... В этот момент раздался крик машиниста Резниченко: “Расступись!” Раздался выстрел, и Голиков падает...»

Вспоминает потемкинец матрос Е. Лакий: «Тут закричали: “Давай командира!” Его нашли, вывели наверх раздетого и расстреляли его».

Потемкинец И. Лычев живописует расправу над командиром корабля так: «Голиков. Этот безгранично жестокий старик, лишь несколько минут назад державшийся как всемогущий “царь и бог”, повелевавший жизнью и смертью сотен матросов, сразу преобразился в немощного старца. Он ползал на коленях перед Матюшенко, умоляя его о пощаде, клялся, что никогда больше не посмеет обидеть ни одного матроса. Этот жалкий, подлый трус, только что собиравшийся зверски убить тридцать матросов за отказ есть гнилое мясо, теперь просил их даровать ему жизнь. Голикова после краткого суда расстреляли. Его тело полетело в море под дружный крик сотен голосов...»

К. Фельдман в своей книге «Броненосец Потемкин», повторяя с чужих слов истории о червивом мясе, о брезенте и о подготовке к расстрелу, сочиняет собственный фантастический рассказ, который, с его точки зрения, должен был оправдать зверское убийство командира корабля. По версии Фельдмана, Голиков намеревался взорвать некую мифическую

крюйт-камеру на броненосце, но бдительные матросы этого сделать ему не позволили. При этом они обиделись на своего командира и за это его расстреляли. Где смог отыскать Фельдман на эскадренном броненосце крюйт-камеру XVIII века, невозможно даже представить. Вот как далеко заводит порой воспаленная фантазия!

Все сказанное о капитане 1-го ранга Голикове – наглое и подлое вранье. На самом деле никуда Евгений Николаевич Голиков бежать не собирался, как не собирался взрывать свой корабль, ну и тем более ни у кого в ногах не валялся. Офицер, храбро отвоевавший две войны, не мог валяться в ногах у мятежников! Помните слова Скобелева о Голикове, что он после своих подвигов может «гордо смотреть в глаза товарищам». Я уверен, что командир «Потемкина» так же гордо смотрел в глаза и своим палачам. Раздели же Голикова исключительно ради глумления.

Из воспоминаний потемкинца М. Лебедева: «Началась вполне заслуженная кара над офицерами корабля... Грянул залп, и, пронизанный десятками пуль, труп самодура-командира полетел за борт». Обратите внимание на слова «десятки пуль». Откуда эти десятки? Все дело в том, что убийство командира корабля Матюшенко обставил особо. Дело в том, что подавляющее большинство молодых матросов, все еще сомневались в правильности происходящего. Поэтому новобранцев силой согнали в кучу и раздали им винтовки. После этого Матюшенко и его подручные вывели избитого и раздетого догола Голикова, которого поставили у борта. Некоторые матросы уговаривали Матюшенко не расстреливать командира, но их разогнали прикладами. Голиков хотел было что-то сказать матросам, но Матюшенко ударом кулака выбил ему зубы. Затем по команде Матюшенко матросы подняли винтовки и разом выстрелили в своего командира. Думается, большинство стреляли мимо или вообще не стреляли. Но это было уже не важно. Отныне все они были повязаны командирской кровью, и обратного пути у них уже не было. По некоторым воспоминаниям, после залпа Голиков был все еще жив и его добил все тот же Матюшенко, после чего тело командира корабля было выброшено в море. Но Матюшенко еще не насытился кровью.

– Тащите сюда мне еще какого-нибудь офицера! – велел он, войдя в раж.

На палубу к онемевшей от ужаса команде притащили избитого лейтенанта Тона. Матюшенко потребовал, чтобы тот снял погоны. На это Тон ответил: «Дурак, не ты их мне надел, не тебе их с меня и снимать». Матюшенко ткнул Тона в погоны: «Напились крови, а вот и вам пришел конец». С этими словами он отступил на несколько шагов и выстрелил в лейтенанта. Упав навзничь, Тон пытался достать револьвер, но стоявшие рядом подручные «пахана» тут же сделали по нему несколько выстрелов. Не удовлетворившись этим, Матюшенко (по одной из версий) на глазах у всей команды размозжил лейтенанту голову прикладом винтовки, назидательно сказав: «Так будет с каждым, кто пойдет против революции!»

Тело лейтенанта Тона также было выброшено за борт.

Отечественные историки, пытаясь хоть как-то приукрасить жуткие события на «Потемкине», писали, что добрые мятежники хотели было сначала вообще выбрать Тона своим командиром, так они его, мол, любили! Но лейтенант оказался каким-то несговорчивым. К тому же он публично послал Матюшенко куда подальше, ну и тот, надо понимать, сильно обиделся... Впоследствии говорили, что Тон, якобы даже первым выхватил револьвер и направил его на Матюшенко. Но ловкий Матюшенко успел выстрелить в Тона первым (дескать, Тон сам во всем виноват). На самом деле все было, как мы теперь знаем, куда более кроваво.

Из воспоминаний потемкинца И. Старцева: «Потом подняли наверх на ют с батарейной палубы правого борта лейтенанта Тона. Он хотел взорвать пороховые и патронные камеры (таких на броненосце никогда не было. – В. III.). Но так как провода заговоренно (!) были перерезаны, то взорвать не удалось. Матюшенко приказывает снять погоны.

Тон выхватывает в судорожном состоянии из кобуры револьвер и хочет выстрелить в Матюшенко, но Матюшенко выстрелил из винтовки, и револьвер выпал из руки Тона».

Потемкинец И. Лычев в своей книге воспоминаний «Потемкинцы» буквально упирается рассказом о своем участии в убийстве офицеров: «Офицеры настолько перепугались, что даже не пытались применить оружие. Лишь один из них, лейтенант Толь (так у Лычева, на самом деле, разумеется, это был лейтенант Тон), командовавший минными аппаратами, бросился в минное отделение, чтобы взорвать броненосец, но матросы заметили это и вовремя схватили Толя, вытащили его на палубу. Матюшенко обратился к нему с предложением: “Если хочешь быть с нами, то останешься в живых”. В ответ он услышал – “дурак”, и над головой Матюшенко просвистела пуля. Матюшенко тут же застрелил Толя. Чтоб избежать матросского гнева, большинство офицеров искало спасения в бегстве, бросились за борт. Вслед за ними бросились в море и некоторые кондуктора. Мы перенесли огонь за борт, начав обстреливать беглецов. Офицеры продолжали плыть. Их обстреливали до тех пор, пока они не скрывались под водой».

Остальные же офицеры тоже были убиты самым зверским образом. При этом никто из них практически (за исключением разве что Гиляровского) даже не пытался сопротивляться.

Из воспоминаний потемкинца С. Токарева: «Офицеры до того перепугались, что многие даже не пытались стрелять (дело в том, что при себе револьверы были далеко не у всех. – В. III.). Некоторые офицеры сопротивлялись, но были расстреляны. Некоторые бросились в воду. Они искали спасения, но пули догоняли их».

Чтобы хоть как-то оправдать изуверскую расправу над беззащитными офицерами, в советское время придумывалась всевозможная чушь, лишь бы их опорочить. Вот один из образчиков таких «исследований»: «...Н. Ф. Григорьев и Н. Я. Ливийцев были убиты в воде при попытке добраться до миноносца». Дескать, сами и виноваты, нечего было убегать, да еще плыть на миноносце, чтобы дальше пакостить! Разумеется, офицеры прыгали в воду! А что бы вы делали, когда за вами бы гонялся с винторезами Матюшенко с сотоварищи?

Не все понятно и со смертью лейтенанта Неупокоева. В начале мятежа Неупокоев находился на юте рядом с Гиляровским. По официальной версии и ряду воспоминаний, он был там же убит из винтовки кем-то из выскочивших наверх вооруженных мятежников. К примеру, потемкинец Н. Рыжий вспоминает: «Восстановить порядок пытался только... помощник капитана 2-го ранга Гиляровский и лейтенант Неупокоев, которые и были расстреляны немедленно (не убиты, а именно расстреляны. – В. III.), а остальные офицеры были арестованы».

Однако матрос Г. Полторацкий описывает куда более жуткую смерть этого храброго офицера: «В каземате лейтенант Неупокоев не давал матросам брать винтовки. Его убили прикладами».

Из кают-компания бунтовщики вытащили мичмана Вахтина, которого тут же забили ногами и стульями (!) до полусмерти. Но, на его счастье, рядом не оказалось Матюшенко, а потому, избив мичмана, добивать его матросы все же не стали, а бросили. Судового священника Пармена били прикладами по лицу, превратив его в кровавую массу. Не дали матросы Матюшенко убить и мичмана Макарова, доставившего на броненосец злополучное мясо, которого команда любила за доброе отношение и заботу. Не решившись на открытый конфликт, Матюшенко на сей раз отступил.

Раненный в начале мятежа на палубе в живот врач Смирнов кое-как добрался до своей каюты и лег на койку. Фельдшер Бринк пытался оказать ему помощь, но его выгнали. Расправиться с врачом пожелал сам «пахан». С юмором профессионального живодера Матюшенко поинтересовался у истекающего кровью: «Ну что, мясо-то хорошее было? Вот мы тебя сейчас на котлеты и изрубим». По его приказу матросы вытащили стонущего Смирнова на верхнюю палубу и с криком: «Раз, два, три» – выбросили еще живого за борт. После этого

пытавшегося плыть Смирнова добили выстрелом в голову. Остальные офицеры и кондукторы были избиты прикладами и ногами, связаны и заперты в кают-компаниях. Матюшенко и его помощники к этому времени уже просто подустали от кровавых дел и решили передохнуть.

По другой версии, врача убивали подручные Матюшенко: квартирмейстер Курилов, рулевой Самойленко и матрос второй статьи Фурсаев. Они якобы вытащили тяжелораненого Смирнова наверх. «Мясо хорошее?» – кричали ему. «Нет», – ответил врач. «Что же ты сказал, что хорошее?» Смирнов не нашел ответа, и мятежники, подняв его на штыки, выбросили в море. Есть другие варианты предсмертного глумления над врачом, но суть их примерно та же.

Верный матюшенковец Лычев расправу над Смирновым в своих мемуарах описал так: «Суд был краток и единодушен: “За борт подлеца!” – и Смирнов полетел в море. А чтобы ему не пришлось долго плавать, один из матросов пустил ему вслед пулю с напутствием: “Ты нас заставлял есть червей, теперь сам покорми рыб!”»

В ряде мемуаров и исторических работ к истории убийства подошли более творчески. Дело в том, что как ни крути, а зверские убийство врача не красит даже самых продвинутых революционеров, ведь врач, он и есть врач! Поэтому, чтобы хоть как-то оправдать убийство доктора Смирнова, был придуман поистине иезуитский ход. Уже знакомый нам историк Ю. Кардашев пишет, что врач Смирнов сам себе нанес рану ножом (!), сделав «надрез на коже живота». Прямо не корабельный врач, а самурай, делающий себе харакири. Сделал он это якобы для того, чтобы притвориться раненым и вызвать к себе жалость у мятежников, вот ведь какой подлюга! Ну как такого не прикончить!

Вспоминает матрос Г. Полторацкий: «Доктор Смирнов для спасения себя сделал себе вмятку самострел и спрятался в лазарет. Доктора Смирнова выбросили за борт».

На самом деле, разумеется, никаких самострелов и надрезов себе Смирнов не делал. Он был вначале тяжело ранен в живот штыком (в лазарете ему делал перевязку корабельный фельдшер), а потом зверски добит все тем же Матюшенко и его дружками. При этом в своей «самурайской» выдумке Ю. Кардашев отнюдь не оригинален, а просто повторяет «утку», рассказанную бывшим матюшенковцем И. Лычевым. Тот принимал самое активное участие в расправе над офицерами, а спустя годы, как мог, оправдывался в своих мемуарах.

Как здесь не вспомнить знаменитый революционный лозунг: «Дело прочно, когда под ним струится кровь!»

Помимо семерых убитых офицеров, большинство остальных было ранено и практически все избиты. Оставшихся в живых офицеров заперли в одной из кают, пообещав завтрашний расстрел. После этого начался повальный грабеж офицерских кают и расхищение вещей убитых матросов.

Выше мы уже описали личное участие Афанасия Матюшенко в издевательствах и казнях офицеров. Картина его зверств выглядела настолько жутко, что в советское время историки всеми силами пытались замолчать его деяния, уж больно страшно все выглядело даже по революционным меркам. Отсюда и скороговорка историка С. Найды и других. Понять можно, правдивое описание только издевательства над офицерами сразу бы сорвало весь флер романтизма с палача Матюшенко и его подручных.

Однако до нас дошли слова ветерана потемкинского восстания Шестидесятого, сказанные им уже в 60-х годах о Матюшенко. Со слов старейшей сотрудницы музея Черноморского флота Генриетты Васильевны Парамоновой, знавшей Шестидесятого на протяжении многих десятков лет, он однажды, находясь еще в полной памяти, вспоминая о Матюшенко, сказал ей: «Это был страшный человек, настоящий садист, которому убийство безоружных офицеров доставляло настоящее удовольствие. Он-то и начал расправу с ними, хотя это было совсем никому не нужно».

На протяжении многих лет в трудах по восстанию на «Потемкине» образцом революционной гуманности подавался факт того, что потемкинцы не перебили кондукторов корабля – сверхсрочных унтер-офицеров, специалистов, прослуживших на флоте по 15–20 лет. При этом обычно писали так: «Подавляющее большинство их было верными помощниками и слугами офицеров, являясь связующим звеном между офицерами и нижними чинами. Им вменялось в обязанность следить за “порядком” на корабле и доносить на всех подозрительных и политически неблагонадежных матросов. За это они пользовались рядом привилегий, имели даже свою кают-компанию. Некоторые матросы требовали расправиться с кондукторами так же, как и с офицерами. Но часть команды выступила против и великодушно предложила простить их, поверив лживому обещанию во всем повиноваться восставшим и честно нести службу. Дальнейшие события показали, как дорого заплатили матросы за свое великодушие».

На самом деле ни о каком великодушии речи и быть не могло. Кондукторам была уготована та же участь, как и офицерам, если бы матросы могли сами управлять кораблем. Сборная команда со всего флота с большим количеством новобранцев была не состоянием управлять кораблем и его эксплуатировать. Это могли обеспечить исключительно сверхсрочные унтер-офицеры, только поэтому они и были оставлены в живых.

В команде «Потемкина» на момент мятежа было 763 матроса и 12 кондукторов. Из них пять матросов погибли на Тендре, еще 12 было ранено. Однако известно, что офицеры в матросов не стреляли и ни один из них (о смерти Вакуленчука мы будем говорить отдельно) от офицерских пуль не погиб. Кто же убивал и ранил матросов на «Потемкине»? Ответ напрашивается сам собой – Матюшенко и его подручные. Отдельные историки пытаются говорить о неких «шальных пулях». Но это явная ложь! Убить и ранить случайно 16 человек не так-то просто. На самом деле это были матросы, которые не просто не желали участвовать в мятеже, но и активно противодействовали его началу. Скорее всего это были люди из окружения Вакуленчука. С ними и расправились под шумок. Известны имена убитых: комендор Шевелев, матросы второй статьи Эгель, Османский и Татаренко, и трех раненых – Грязцов, Сложеница и Пригорницкий (Прогорницкий). Впрочем, в ряде источников говорится о 30 погибших во время мятежа матросах. При этом, правда, фамилии их не приводятся.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что убийства офицеров, причем убийства зверские и публичные, были запланированы заранее, еще до начала мятежа. При этом о какой-либо конкретной мести речь вообще не шла. Дело было в ином. Необходимо было ошеломить команду «Потемкина» пролитой кровью и дать понять каждому, что обратного пути после совершенного ни у кого уже нет. Все они участники и соучастники совершенных преступлений, и никакого снисхождения им уже не будет, а потому все отныне должны быть послушны новым вожакам и идти за ними до конца.

Ни о какой демократии в выборах нового руководства речи тоже не шло. Все решал сам Матюшенко и его ближайшее окружение. Именно поэтому Матюшенко сам себя и определил в руководители судовой комиссии, в состав которой тоже вошли его дружки. Команда, потрясенная всем случившимся, что называется, безмолвствовала... Ни о какой демократии не могло быть и речи, с точки зрения Матюшенко, и в остальных делах. На корабле с первого дня была установлена самая настоящая диктатура небольшой группы лиц, которые взяли себе право не только решать возникающие проблемы, но и карать непослушных.

Из воспоминаний машинного унтер-офицера Денисенко: «В машинном отделении были собраны все машинисты. Им были объяснены все достижения матросов и предложено как можно тщательней выполнять свои обязанности; машинисты были также предупреждены о том, что в случае халатного отношения к своим работам их ожидают строгие наказания (!)...»

Этот факт говорит о том, что машинистам недвусмысленно угрожали расправой в случае их неприсоединения к Матюшенко, это означает, что власть на броненосце перешла вовсе не ко всей команде (мнениям которой никто особо и не интересовался), а к группе заговорщиков во главе с Матюшенко, которые немедленно и стали претворять в жизнь свой собственный «Одесский план».

Анализируя личности лидеров мятежа, необходимо отметить, что это были в основном унтер-офицеры срочной службы, говоря современным языком, старшины. Унтер-офицером был и Матюшенко, и Денисенко. Практически из одних унтер-офицеров состояла и созданная Матюшенко судовая комиссия. Так что на самом деле, говоря о потемкинском мятеже, более корректно называть его не матросским, а унтер-офицерским. Именно группа старослужащих унтер-офицеров и захватила власть на корабле. Что касается рядовых матросов, то для них ситуация изменилась лишь в худшую сторону. Никаких прав на корабле они не приобрели, о том, что такое революция и для чего она вообще нужна, понимали смутно. Уже вечером, после мятежа, начали раздаваться первые голоса за то, чтобы освободить оставшихся в живых офицеров и идти в Севастополь с повинной. Однако пока об этом говорилось лишь шепотом подальше от членов судовой комиссии и других активистов.

А как вообще жилось матросам на «Потемкине», как обстояло дело с питанием? Не голодали ли они? Вообще нормы питания на кораблях российского флота в начале XX века были весьма высокими, почти в полтора раза выше, чем у солдат. При этом физически матросы работали гораздо меньше, чем солдаты, в основном во время погрузки угля и боезапаса. Однако и на время таких авральных работ существовал специальный повышенный рацион с увеличенными порциями мяса.

В этой связи весьма полезно приглядеться к матросам в фильме Эйзенштейна. В центре кадра у него то и дело появляются «оголодавшие матросы» с такими потрясающе толстыми лицами и двойными подбородками, что с трудом верится, чтобы оные битюги чего-то где-то недоедали. Форменки на них просто трещат! Что касается офицеров в фильме, то они, напротив, все на редкость щедры, а потому зритель совсем не удивляется, почему толстенные матросы так легко побеждают своих худосочных начальников.

Относительно ситуации с питанием на «Потемкине» есть два свидетельства. Первое изложил историк Б. И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу»: «В мае на инспекторском смотре команда “Потемкина” доказала инспекторам, что офицеры на корабле ежедневно воруют 50 матросских пайков. Впервые подобная претензия была высказана еще в 1904 г. Но и теперь заявление матросов ни к чему не привело. Члены команды высказали также возмущение негодным мясом и червивыми сухарями, но безрезультатно. 18 мая потемкинцы вновь выразили недовольство качеством хлеба и крупы, на этот раз командир корабля назначил комиссию для расследования. Она признала справедливость высказанных требований, и качество хлеба было улучшено. Причина уступок командира заключалась, вероятно, в том, что к этому времени Е. Н. Голиков получил первое анонимное письмо о подготовке восстания и решил лишний раз не озлоблять матросов».

Второе свидетельство оставил нам инженер-механик Александр Коваленко, единственный офицер добровольно присоединившийся к восставшим, который в своих воспоминаниях, опубликованных в «Литературно-научном вестнике» во Львове в 1906 году, писал: «...Вообще матросу живется совсем неплохо... обычная еда команды хорошая. Я, как и много кто из офицеров, часто охотно ел матросский борщ. Правда, бывали иногда, как я заметил, случаи недовольствия команды мясом или маслом, но они были отдельные и всегда происходили от случайного недосмотра. Тяжелым трудом матросы не обременены: обычный рабочий день не более восьми часов. В отношениях офицеров к команде постепенно завелся тот тон, который не только не позволяет им прибегать к кулачной расправе, но и вынуждает их оставаться в определенных рамках корректности. Даже те, которых очень немного между

ними, и которые, безусловно, являются исключением из них, что были бы не прочь припомнить иногда старину, вынуждены сдерживать себя: во-первых, из страха перед высшим начальством, которое скорее из осторожности, чем из каких-либо гуманных мотивов, обуславливает офицерам необходимость некой тактичности в отношениях к “нижнему чину”, а во-вторых, из чувства неловкости перед товарищами».

Кому, спрашивается, верить, историку Гаврилову или непосредственному участнику событий поручику Коваленко, которому что-либо выдумывать не было никакого резона? Я больше верю в данном случае Коваленко. А потому, на мой взгляд, вывод однозначен – офицеров на «Потемкине» убивали вовсе не из-за сведения каких-то личных счетов, а только потому, что так надо было организаторам бунта – цель оправдывала средства...

Миф о червивом мясе

Уже более ста лет история с червивым мясом считается чуть ли не аксиомой событий 14 июня. Увы, на самом деле все было совсем не так. Никакого червивого мяса на самом деле не было. Якобы некачественный борщ стал всего лишь поводом для готовящегося зараннее мятежа. Не было бы мяса, подвернулась бы гнилая капуста или плохие сухо-фрукты. Заметим, что в начале XX века на Черноморском флоте проблема сохранения мяса существовала. В жару при отсутствии холодильных установок его было очень трудно сохранять, а солонину матросы вообще ненавидели. Проблемы с мясом возникали и до «Потемкина», и после него. Поэтому в летнюю жару при приготовлении еды из свежего мяса придаться к его качеству можно было почти всегда. Были проблемы с мясом и в советском военноморском флоте. Во время моей службы на корабле у нас вышла из строя рефрижераторная камера и мы несколько дней были вынуждены есть мясо «с душком». Но офицеров у нас за это почему-то не убивали.

О том, что события 14 июня развивались на «Потемкине» не спонтанно и никакое мясо к ним отношения не имело, проговорились впоследствии в своих воспоминаниях и сами участники событий 14 июня.

«Настроение команды как-то сразу изменилось (после прихода миноносца. – В. III.), у нас появилось желание поддержать рабочих», – вспоминал матрос Батеев. Другой участник восстания, комендор Лакий, сообщил, что «было тайное собрание в машинном отделении и было решено, что наступил момент дружно выступить против начальства».

На совещании разгорелась борьба между группой Вакуленчука и сторонниками немедленного восстания во главе с Матюшенко и Бредихиным. Дело дошло до взаимных матерных оскорблений и рукоприкладства. Победили более многочисленные сторонники Вакуленчука: участники тайной сходки решили дожидаться прихода эскадры. Уязвленный Матюшенко все же предложил организовать протест команды против плохого мяса и выяснить, пойдет ли за ними команда или нет. Вакуленчук был против. Вопрос так и остался нерешенным. С этой минуты Матюшенко и его компания уже действовала сама, без оглядки на чьи-либо авторитеты».

О явно провокационной роли Матюшенко в начале мятежа, как и том, что мятеж был заранее спланирован, проговорился в своих воспоминаниях машинный унтер-офицер С. Денисенко: «Во время восстания я был внизу корабля в машинном отделении и видел, что творилось там. Когда с верхней палубы раздались свистки строевых унтер-офицеров и боцманов. Созывая всю команду броненосца наверх, «на суд нечестивых», я вышел туда почти последним. Забравшись наверх, я увидел, что команда не построена в рядах. Как того требовала дисциплина, а как-то сбилась в кучу.

Вдруг старший офицер скомандовал:

– Караул наверх! Давай брезент!

Около меня стоял минно-машинный унтер-офицер Афанасий Матюшенко и трясся, как в лихорадке, от охватившего его волнения. Вдруг. Обратившись ко мне со словами: «Ну, Степа, зевать тут нечего», он побежал крича:

– Давай винтовки, бери винтовки! Бей их, подлецов!

Этого как будто только и ожидали. Часть команды с криком «Давай винтовки», бросилась разбирать их.

Я заметил, что стоявшие впереди офицеры повернулись в сторону матросов, как будто желая заметить тех, кто кричит. Побежал и я, но не к винтовкам, а в заранее назначенное место – в машинное отделение. За мной туда вбежало еще несколько машинных унтер-

офицеров и машинистов... Вдруг один из стоявших здесь машинистов, Шевченко, крикнул: «Дай, пойду, хоть одного офицера убью!» И побежал наверх.

Большая часть команды не знала о готовившемся восстании; но, видя, что дело склоняется в нашу пользу и заражаясь отвагой Матюшенко и других сознательных матросов, – остальные матросы начали дружно помогать нам, войдя в курс дела».

Один из историков потемкинской темы Б. И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу», вышедшей еще в советское время, повторяет все мифы о плохом мясе. Он пишет: «14 июня в 5 часов утра команду подняли на молитву. Затем после завтрака началась утренняя приборка, во время которой матросы увидели, что на привезенном мясе, подвешенном с левой стороны спардека, ползают черви. Они стали высказывать свое возмущение вахтенному начальнику прапорщику Н. Я. Ливийцеву. Коки на камбузе поддерживали команду и отказались готовить борщ. Н. Я. Ливийцев доложил об этом командиру.

Е. Н. Голиков в сопровождении старшего судового врача титулярного советника С. Г. Смирнова поднялся на спардек. Врач осмотрел мясо и признал его годным. Тогда Е. Н. Голиков приказал матросам разойтись и распорядился поставить на спардеке дневального для записи всех недовольных. Затем он приказал промыть мясо в соленой воде, рассчитывая такой «дезинфекцией» успокоить матросов. Но когда кусок вынули из рассола, все с отвращением увидели, что мясо буквально кишит червями. Матросы разошлись, полные злобы. За обедом никто не притронулся к борщу. По просьбе команды кок И. Данилюк приготовил чай с хлебом. Матросы стали покупать продукты в судовой лавке.

Прапорщик Н. Я. Ливийцев и старший офицер И. И. Гиляровский пытались заставить команду есть борщ, но встретили решительный отказ. И. И. Гиляровский доложил командиру об угрожающем настроении матросов. Е. Н. Голиков приказал выстроить команду на юте в четыре шеренги. Когда матросы построились, командир вызвал коков и артельщиков и спросил, почему команда не хочет обедать. Коки и артельщики объяснили, что мясо с червями.

«Их нужно проучить, Евгений Николаевич, чтобы они весь свой век помнили», – заявил командиру старший офицер И. И. Гиляровский. По приказу Е. Н. Голикова принесли бак с борщом. Старший врач С. Г. Смирнов на виду у матросов съел несколько ложек борща, предварительно процедив его. Сняв пробу, он заявил, что борщ «чудесный». Командир спросил кока и артельщиков: «Вы пробу давали мне из этого мяса?» Те, боясь наказания, ответили: «Так точно».

Тогда командир сказал, что прикажет запечатать бак с борщом и отправить к военному прокурору в Севастополь, но матросы, которые откажутся повиноваться, будут повешены. Затем он приказал не желающим бунтовать выйти из рядов к оружейной башне, однако, кроме кондукторов, никто не двинулся с места. Е. Н. Голиков вызвал караул. Он хотел расправиться с непокорными матросами поодиночке.

Наступил решающий момент. Социал-демократы, не желая раньше времени обострять конфликт и дать повод к выделению «зачинщиков» для расправы, первыми перешли к башне. За ними последовали и остальные матросы.

Через минуту у правого борта оставалось не более 30 человек. Но тут выступил старший офицер И. И. Гиляровский. Вместе с прапорщиком Н. Я. Ливинцевым он остановил перебежавших матросов и приказал записать их фамилии, а остальным велел разойтись. Едва боцманмат В. И. Михайленко начал переписывать матросов, как из толпы у башни послышался крик: «Кто переписывает, тот будет висеть на рее сегодня с Голиковым!» И. И. Гиляровский приказал принести брезент, и матросы поняли, что готовится расстрел».

Отметим, что повторяя классическую версию о причине мятежа на «Потемкине» (а в советское время он просто не мог написать ничего иного), Б. И. Гаврилов, однако, все же вынужден признать, что и врач, и командир снимали пробу с приготовленного борща. При

этом на ходу автором выдумываются ничем не подтвержденные объяснения, что, дескать, для врача борщ был кем-то (кем именно?) процежен, а командиру якобы давали на пробу другой борщ. Неужели для команды варили одновременно несколько борщей? Это абсурд! Отмечены и действия Голикова по передаче бочка с борщом в прокуратуру. Разумеется, если бы борщ был с червивым мясом, командир бы его ни за что в прокуратуру не отправил.

О том, что капитан 1-го ранга Голиков уже сталкивался с недовольствами командой пищей и умел гасить это недовольство, написал впоследствии в своих воспоминаниях младший инженер-механик броненосца Коваленко. Этот человек, взявший сторону восставших и ушедший с ними в Румынию, оставил по горячим следам воспоминания, опубликованные во Львове в 1906 году и более не перепечатывавшиеся в советских изданиях. В частности, Коваленко писал: «В 1903 году Голиков командовал крейсером «Березань» (вспомогательным судном. – *В. III.*). Во время перехода из Сухуми в Севастополь матросы отказались есть мясо, которое оказалось червивым; команда даже угрожала потопить корабль. Однако командир приказал выдать доброкачественную пищу, и инцидент был исчерпан». Если верить Коваленко (а не верить ему у нас нет никаких оснований), то у Голикова был личный опыт, как «разрулить» возникшую ситуацию на «Потемкине». Почему же он этого не сделал? Да только потому, что ему просто не дали это сделать! Единственное, что успел командир «Потемкина», – это дать приказание вынести на верхнюю палубу брезент. Да, да, тот самый презент, с помощью которого якобы собирались расстреливать несчастных голодных матросов...

Потемкинец Н. Рыжий в своих воспоминаниях признает: «Мясо с червями (т. е. с личинками мух. – *В. III.*) на кораблях Черноморского флота в те времена было нередким явлением (напомним, что в жаркую летнюю погоду, при отсутствии холодильников на кораблях, личинки могли появиться уже через несколько часов. – *В. III.*), и раньше на разных кораблях оно появлялась кое-когда, но всегда обходилось без серьезных конфликтов. На этот раз сознательная часть команды решила протестовать, вонючего борща не есть, а взамен потребовать сухарей и масла. Благодаря этому протесту мы думали только узнать, как к этому отнесется вся команда, да и начальство».

Есть и еще одна версия истории с «червивым борщом». В архивах Военно-Морского Флота находится рапорт вахтенного начальника броненосца мичмана Вахтина. В нем говорится: «...также доношу до Вашего сведения, что 14 июня сего года пополудни состоявший судовым врачом на Броненосце “Князь Потемкин Таврический” доктор Смирнов при проверке приготовления пищи нижним чинам, а именно выдачи мучных продуктов на камбузной палубе, на вопрос судового кока, что означает написанное на бумажном мешке слово VERMICELLI, ответил, что это вермишель, а на итальянском языке, откуда и прибыли означенные мучные изделия, это означает “червячки”, что впоследствии и послужило основанием для недовольства команды...». Борщ (или суп) с вермишелью – это вполне реально, как реально и то, что для мятежа Матюшенко мог использовать любой повод, даже столь анекдотический.

Самым же важным доказательством того, что борщ был совершенно нормальным и никакие черви там не плавали, служит тот факт, что, перебив своих офицеров и изрядно от этого умаявшись, команда как ни в чем не бывало отобедала уже изрядно остывшим борщом... из того самого «червивого мяса».

Пресловутый брезент Эйзенштейна

Первая ассоциация с восстанием на броненосце «Потемкин» у большинства из нас – это сцена приготовления расстрела матросов на юте. Одна из самых эффектных и драматичных сцен в фильме С. Эйзенштейна: готовый к стрельбе караул с винтовками наизготовку и накинутый на расстреливаемых матросов брезент.

Сцена, вне всяких сомнений, эффектна, но, увы, лжива от начала до конца. Отказы команды от приема пищи, если она была на самом деле недоброкачественной, случались в российском флоте и раньше. Однако никто никогда не устраивал из этого массовых кровавых побоищ. Кроме этого командир «Потемкина» капитан 1-го ранга Голиков был вхож в высший свет столицы, лично дружен с императором, тот, кстати, в письмах запросто называл Голикова Женей. По воспоминаниям современников, Голиков вообще отличался либерализмом и мягким характером. Об этом пишут даже участники восстания, сваливая всю вину за строгость корабельной дисциплины на старшего офицера капитана 2-го ранга Гиляровского (кузена знаменитого журналиста и бытописателя дореволюционной Москвы Гиляровского), который якобы и организовал подготовку к массовой казни. Забегая вперед, скажем, что либерализм командира, однако, не спас ему жизнь.

Чтобы убедиться в абсурдности решения о массовом расстреле матросов, достаточно хотя бы немного представлять себе специфику корабельной службы и полистать корабельный устав российского флота, не говоря уж о простом здравом смысле. Начнем с того, что без приказа командира, причем приказа письменного, с занесением в вахтенный журнал корабля, никто и никогда не начал бы приготовления к массовому расстрелу матросов. В вахтенном журнале таковых записей, разумеется, нет. Кроме этого заметим, что ни до, ни после «Потемкина» на российском флоте ничего подобного не происходило НИКОГДА! Со времен Петра ни на одном российском корабле ни разу не расстреливали матросов! Пусть не согласные со мной приведут мне хотя бы один подобный случай, и я сниму перед ним шляпу!

Сцена подготовки расстрела была от начала до конца выдумана Эйзенштейном и целиком заимствована им из дешевых голливудских вестернов начала XX века, причем, что самое удивительное, без малейшего понимания даже смысла происходящего. Сам Эйзенштейн даже хвастается, как он придумал свой трюк с брезентом.

«Я отчетливо помню, – рассказывал он, – как в отчаянии хватался за голову мой консультант и эксперт по флотским делам, бывший морской офицер... когда мне взбрело на ум покрыть матросов брезентом при угрозе расстрелом!

– Нас засмеют!.. – вопил он. – Так никогда не делали!

И потом подробно объяснил, что при расстреле на палубу действительно выносили брезент. Но совсем с другой целью: он расстилался под ногами обреченных с тем, чтобы кровь их не запятнала палубы...

Помню, как я огрызнулся:

Если засмеют – так нам и надо: значит, не сумели сделать...

Сцена осталась в фильме. Вошла в плоть и кровь истории событий».

Эйзенштейну думать было некогда, он творил «классику», но мы-то с вами можем хотя бы задуматься: для чего определенных якобы для расстрела матросов вообще пытаются накрывать брезентом?

Дело в том, что в XVI – XVIII веках в британском флоте при расстрелах провинившихся офицеров и взбунтовавшихся матросов действительно выносили брезент, но, как правильно говорил режиссеру эксперт, вовсе не для того, чтобы накрывать им головы приговоренных, а для застлания палубы, чтоб не пачкать ее лишним раз кровью. Постановщики фильма кое-что где-то слышали о процедуре старинных морских казней, но ничего конкретного для себя

так и не уяснили. Эйзенштейну вся эта «жуткая» сцена понадобилась для того, чтобы хоть как-то объяснить неискушенному зрителю причину последовавшего вскоре беспощадного истребления офицеров. Небезынтересно, но именно эта мифическая сцена с брезентом была взята и в основу знаменитого одесского памятника потемкинцам, и сегодня являющегося одной из визитных карточек этого города. Увы, выдуманная история рождает и выдуманные памятники...

Интересен и тот факт, что в своих воспоминаниях большинство участников восстания не говорят однозначно, для чего выносился брезент. Воспоминания М. И. Лебедева: «Когда же старший офицер громко отдал приказание одному из боцманов принести брезент, матросами, по всей вероятности, это распоряжение старшего офицера было принято, как знак того, что оставленных насильно офицером на старом месте их товарищей будут расстреливать. Это приказание оказалось роковым для старшего офицера. Из толпы, напряженно наблюдавшей ту сцену, раздался громкий и уверенный голос (это кричал Матюшенко. — *В. III*): “Братцы, довольно терпеть! Ведь они хотят расстреливать наших товарищей! Бей их, извергов!” “К оружию!” — раздалось в ответ, и сначала несколько человек, а потом за ними и вся команда, с криками “ура”, “да здравствует свобода”, бросились к ружьям. Караул разбежался...» Лебедев уклончиво говорит о возможной вероятности расстрельного предназначения брезента, которое якобы вроде бы возникло в головах у неких матросов. Но если бы на приговоренных к расстрелу действительно накидывали брезент, то слова «по всей вероятности» здесь совершенно неуместны.

Еще раз вспомним мемуары машиниста Степана Денисенко: «Забравшись наверх, я увидел, что команда не построена в рядах, как того требовала дисциплина, а как-то сбилась в кучу. Вдруг старший офицер скомандовал:

— Караул наверх! Давай брезент!

Около меня стоял минно-машинный унтер-офицер Афанасий Матюшенко и трясся, как в лихорадке, от охватившего его волнения. Вдруг, обратившись ко мне со словами: “Ну, Степа, зевать тут нечего!” — он побежал, крича:

— Давай винтовки, бери винтовки! Бей их, подлецов!

Этого как будто только и ожидали...»

Если верить Денисенко, Матюшенко сильно разволновался именно тогда, когда на палубу выносили брезент. Причины для волнения у него были серьезные, но вовсе не потому, что он боялся расстрела своих сослуживцев.

Вспоминает потемкинец матрос Е. Лакий: «Вызвали караул и окружили человек 20 матросов. Было приказано накрыть их брезентом. Послали за брезентом, но матросы все разбежались. Брезент так и остался на месте. Кинулись все к оружию, достали патроны, зарядили винтовки».

Еще раз вспомним признание потемкинца Лебедева: «Старший офицер громко отдал приказание одному из боцманов принести брезент, матросам, по всей вероятности, это распоряжение старшего офицера было принято, как знак того, что оставленных насильно офицером на старом месте их товарищей будут расстреливать...»

Что примечательного в этой фразе? Прежде всего, то, что поводом к восстанию, по словам матроса Денисенко, послужил вовсе не начинающийся расстрел, как поведал нам Эйзенштейн, а вслед за ним и несколько поколений историков, а вынос брезента. Волноваться при виде выносимого брезента у организаторов мятежа действительно были все основания. Но вовсе не потому поводу, о котором нам поведал Эйзенштейн. Дело в том, что согласно корабельному уставу начала XX века в русском флоте в летнее время пища раздавалась команде прямо на верхней палубе. Ели матросы там же, на расстрелянном брезенте, чтобы не пачкать пролитым борщом отдраенные до белизны тиковые доски. Отметим, что никто из матросов не утверждает, что брезент выносили именно для расстрела. Причем если Лебедев

говорит, что брезент «по всей вероятности» мог бы быть выносим для расстрела, то Денисенко не говорит об этом вообще. Зато он проговаривается о куда более важных вещах. По его словам, Матюшенко вовсе не находился в командном строю, как Вакуленчук, а наблюдал за развитием событий со стороны. Вынос брезента, как мы уже говорили, по словам Денисенко, ввергнул Матюшенко в нервную дрожь. Скорее всего минно-машинный унтер-офицер понял, что сейчас следом за брезентом принесут бачки с борщом, проголодавшиеся матросы усядутся обедать и на этом инцидент будет исчерпан. Тогда-то он и крикнул в толпу о расстреле и о винтовках.

Из всех потемкинцев о том, что брезент выносился для массового расстрела, пишут только Матюшенко и его ближайший подручный Лычев.

В своих мемуарах А. Матюшенко будет всю фантазировать: «У команды захватило дух... Приказ, отданный Гиляровским боцману, значит, что этих товарищей накроют пенковым пологом (надо понимать, брезентом. — В. Ш.) и дадут по ним, совершенно беспомощным, несколько залпов. В каждом из бледных матросов, столпившихся у башни, сердце колотилось в груди от жалости, ужаса и гнева, но никто не знал, что делать».

Вот описание ситуации у И. Лычева, в которой он заученно повторяет историю о брезенте Эйзенштейна: «Появился брезент: его приволокли, задыхаясь от служебного рвения, кондуктора и офицеры.

— Закрыть их! — приказал Гиляровский.

Брезент взметнулся в воздух и отделил от толпы обреченных людей. Наступила жуткая тишина. Вихрем понеслись мысли: «Брезент — это ведь саван!.. Неужели их собираются расстреливать?.. Что делать? Прошла томительная минута, толпа у башни казалась парализованной.

— Стрелять! — прохрипел Гиляровский.

Но караул, охваченный, как и мы, ужасом, не шевельнулся. И в этот миг из-за брезента раздался голос:

— Братья, не стреляйте! Почему вы нас покинули?!

Этот отчаянный вопль точно ножом ударил в сердце. Из толпы загрели крики:

— Не стреляйте!

И через мгновение все изменилось. Почти одновременно несколько голосов закричали:

— К оружию!

Тогда Гиляровский, выхватив револьвер, пытался сам расправиться с матросами. Вакуленчук кинулся к Гиляровскому, чтобы отобрать у него оружие. Старший офицер выстрелил один за другим два раза и смертельно ранил Вакуленчука. Эти события послужили сигналом к восстанию... Раздался призыв Матюшенко:

— К оружию, братья! Довольно быть рабами!

Палуба застонала от топота. Мы бросились за Матюшенко в центральную батарею и через несколько секунд с винтовками появились на палубе. Затрещали выстрелы... Первую пулю получил Гиляровский. Падая за борт, он успел прокричать лишь угрозу по адресу Матюшенко: «Я с тобой посчитаюсь! Я тебя знаю!» Еще несколько минут яростной схватки, шум, крики погони, и... броненосец «Князь Потемкин Таврический» оказался во власти восставших матросов».

Еще один весьма любопытный нюанс. За брезентом был послан не кто иной, как старший боцман корабля Мурзак. Он исполнил приказание и доставил брезент от 16-весельного барказа. Если брезент действительно собирались использовать для расстрела, то Мурзак чуть ли не враг восставших! Но все происходит наоборот. Именно он первым примыкает к мятежникам и пользуется почти абсолютным доверием Матюшенко. Впоследствии мы еще поговорим о дальнейшей революционной деятельности боцмана Мурзака. Сейчас же нас интересует иное, мог ли Матюшенко доверять тому, кто лично готовил казнь матросов? Разу-

меется, нет! Но он вполне мог доверять тому, кто притащил брезент для организации обеда на верхней палубе. В противном случае его бы попросту сразу убили во время мятежа, как врага и палача.

Есть в истории с брезентом и еще одна сторона, наверное, самая подлая. Эту подлость, при ознакомлении с хроникой событий на броненосце, сразу не видно. При этом подлость в истории с брезентом была сделана вполне сознательно и с весьма далеко идущими пропагандистскими целями. Авторами ее является скорее всего не только сам Эйзенштейн, но и его не менее гениальный покровитель и изначальный главный куратор фильма Лев Бронштейн-Троцкий.

Дело в том, что, отсекая определенных к казни матросов от тех, кому этот расстрел должен был стать уроком на будущее, офицеры «Потемкина» якобы хватали первых, т. е. тех, кто просто попался им на глаза. Другими словами, принцип вынесения приговора о расстреле матросов был совершенно случайным: кому повезло, тот останется жить, кому нет, того пустят в расход! Голиков с Гиляровским решили, по версии Эйзенштейна, убить несколько десятков первых попавшихся матросов, чтобы запугать остальных. Это вам ничего не напоминает?

Теперь вспомним дореволюционное российское законодательство. Перелистайте корабельные уставы конца XIX – начала XX века. Да, за отказ принимать пищу матроса можно было арестовать и посадить в карцер. Если отказ носил действие коллективного неповиновения, то самым разумным для начальников было вначале любой ценой успокоить матросов, а затем уже выявлять зачинщиков. Так, кстати, на кораблях всех флотов мира и поступали. Выявленных зачинщиков вполне можно было затем отдать под военный суд и даже отправить на каторгу, но (заметьте!) только через суд, где матросам обязаны были предоставить хоть казенного, но все же защитника. Разумеется, командир корабля, находясь в отдельном плавании, имел право применять оружие, если кораблю и жизни его экипажа угрожает реальная опасность. Это право, кстати, остается за командирами кораблей и в сегодняшнем российском флоте. Но ведь на момент выноса пресловутого брезента никакого вооруженного мятежа еще не было. Да, команда не желала есть борщ, да, ее уговаривали и, кстати, почти уговорили, так как большая часть матросов согласилась идти на обед. Зачем же устраивать кровопролитие? Не лучше ли подождать, когда ситуация сама собой сойдет на нет и потом уже разобраться с виновными?

Думаю, что правдивее всего этот весьма запутанный момент изложен в июльском номере журнале «Нива» за 1905 год: «Во вторник 14 июля судовая команда под предлогом, якобы не доброкачественности привезенного из Одессы миноносцем мяса, отказалась принимать в пищу борщ. По распоряжению командира команда была собрана на шканцы, где старший офицер капитан 2-го ранга Гиляровский приказал выступить перед фронтом тех из нижних чинов, которые не отказываются от принятия пищи, т. е. не участвуют в протесте, выраженном в столь резкой форме. Когда же перед фронтом выступило большинство из судовой команды, то старший офицер стал записывать имена недовольных, составляющих меньшинство. Воспользовавшись этой минутой, последние схватили из пирамид ружья...»

В действительности все именно так и происходило. Но такой поворот сюжета не устраивал ни Эйзенштейна, ни Троцкого. Тут не то что не пахло героикой, а наоборот, отдавало самой дешевой провокацией, которую затеяла банда Матюшенко. И тогда Эйзенштейн (возможно, с подачи того же Троцкого) придумал свой гениальный ход с брезентом. Итак, согласно версии Эйзенштейна-Троцкого, взбесившиеся офицеры броненосца решили устроить бойню невинных, чтобы принудить к повиновению основную рядовую массу. Не напоминает ли это вам нечто подобное из боевой практики самого Льва Давидовича? Как не вспомнить здесь его публичные децимации (расстрел каждого десятого) в красноармейских полках под Пермью в 1919 году? Тогда Троцкий с сотоварищами поступали именно так как

якобы поступили в 1905 году офицеры на «Потемкине». Как не вспомнить здесь знаменитое высказывание подельницы Троцкого по децимациям комиссарши Ларисы Рейснер: «В Перми мы расстреливали красноармейцев, как собак!»

Именно в этом и заключается подлость создателей фильма. Во-первых, подготовка к убийству невинных на экране обязательно вызовет праведный гнев зрителей, а значит, оправдает перед ними все последующие убийства в фильме самих офицеров. Во-вторых, поколение, помнившее кровавые дециации самого Троцкого, теперь могло утешиться тем, что эти жуткие казни были лишь «социальным ответом» наркомвоенмора на точно такие же злодеяния «царских опричников»! Помните слова В. И. Ленина о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. Эту формулу прекрасно понимал, разумеется, не только Ленин. В отличие от книги кинофильм человек впитывает не только сознанием, но и подсознанием (вспомните пресловутый 25 кадр!). А потому сцена с брезентом должна была навсегда отпечататься в памяти всех, кто хоть раз просмотрел фильм Эйзенштейна, а таких в СССР были миллионы. И эти миллионы отныне твердо знали, что дециации, оказывающиеся, были вполне обычным делом на дореволюционном русском флоте, а «добряк» Троцкий только скопировал их из-за революционной необходимости, мстя угнетателям за потемкинский брезент.

В цели моей работы не входит анализ фильма «Броненосец Потемкин» с точки зрения масонской символики, которая, на мой взгляд, в фильме присутствует. Отмечу лишь, что помимо сцены с брезентом, пожалуй, самыми креативными кадрами фильма был расстрел демонстрации на Потемкинской лестнице. Гигантская лестница уже изначально была не столько главным символом Одессы для внешнего мира, но и главным масонским символом Одессы.

Тайна убийства Вакуленчука

Одним из весьма темных мест мятежа на «Потемкине» является смерть Григория Вакуленчука. Официально признано, что Вакуленчука якобы убил старший офицер корабля капитан 2-го ранга Гиляровский. Однако здесь есть определенные неувязки, а значит, и сомнения.

Уже известный нам историк Б. И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» вынужден признать наличие некой загадки в истории смерти Вакуленчука. Он пишет: «Источники (имеются в виду исторические источники, повествующие об обстоятельствах мятежа. – В. Ш.) не содержат серьезных противоречий, за исключением вопроса о смерти Г. Н. Вакуленчука. Некоторые потемкинцы утверждают, что в ответ на возмущение команды приказом о расстреле И. И. Гиляровский выхватил револьвер и убил Г. Н. Вакуленчука, подозревая в нем вожака матросов, смерть которого и послужила сигналом к восстанию. Другие свидетельствуют, что Вакуленчук погиб уже в ходе восстания. Последняя версия представляется наиболее верной, так как подтверждается документами следствия. Разделяет ее и ряд историков. Однако обстоятельства гибели Г. Н. Вакуленчука остаются все же не совсем ясными. Но поскольку большинство потемкинцев пишут о рукопашной схватке между Г. Н. Вакуленчуком и И. И. Гиляровским в разгар борьбы на палубе, то на основании мемуаров и документов следствия можно предположить следующее.

После раздачи оружия в батарейной палубе Г. Н. Вакуленчук вышел наверх и в погоне за лейтенантом Л. К. Неупокоевым забежал на башню. Здесь его ранил из винтовки И. И. Гиляровский, но Вакуленчук бросился на него и вырвал винтовку. В это время сзади в Вакуленчука выстрелили строевой квартирмейстер А. Я. Денчик и один из караульных, тяжело ранив его в голову и спину. Теряя сознание, Вакуленчук упал на палубу, залив ее кровью. В этот момент за башню забежал А. Н. Матюшенко. Он застрелил И. И. Гиляровского, но не оказал помощи Г. Н. Вакуленчуку, считая его убитым. Затем Матюшенко отошел от башни и взял на себя руководство восстанием.

Г. Н. Вакуленчук, придя в сознание, хотел добраться до лазарета, но силы оставили его. Он схватился за бортовой леер (ограждение) и упал в море, где его подобрал матросы с шестерки, стоявшей у трапа». Согласно воспоминаниям Матюшенко, смертельно раненный Вакуленчук «добежал до борта, ухватился руками за леер и упал за борт».

Версия потемкинца Лебедева выглядит несколько иначе: «Первым был убит лейтенант Неупокоев. После первых выстрелов офицеры, окружавшие старшего офицера, разбежались. Старший офицер, оставшись один и увидев себя окруженным матросами, выхватил у одного из остолбеневших от неожиданности и страха часовых винтовку и выстрелом из нее смертельно ранил матроса Вакуленчука, который шел на него с винтовкой в руках. Другой матрос, все время старавшийся не упустить из виду старшего офицера, прицелился в него в тот момент, когда офицер уже выстрелил в Вакуленчука; офицер, обливаясь кровью, упал на палубу».

Вот весьма оригинальная версия потемкинца И. Старцева. По этой версии, Вакуленчук является старшим караула, который должен усмирить недовольных. Он дерется на кулаках с Гиляровским, и тот убивает Вакуленчука из револьвера. Самому же Гиляровскому разбивает голову прикладом Матюшенко. И. Старцев рассказывает: «Разводящим караула был матрос Вакуленчук(!!!). Он обращается к старшему офицеру Гиляровскому: “Ваше высокоблагородие, дайте мне распоряжение командовать караулом!” И тут же в ответ команду: “К ноге!” Гиляровский бросается к Вакуленчуку, и между ними начинается борьба за винтовку. Гиляровский улучил момент, вытащил револьвер и выстрелил в Вакуленчука. Вакуленчук упал. В это время слышим: “Бей драконов! Бей паразитов!” – это Матюшенко бежит с батарейной

палубы с винтовкой верх прикладом и с размаху бьет по голове Гиляровского, который не ожидал этого удара. Он падает».

А вот уже версия матроса Г. Полторацкого, который полностью опровергает И. Старцева. По версии Г. Полторацкого, Вакуленчук вовсе не был разводящим караула, который должен был осуществлять казнь, а, наоборот, он был среди тех, кого собирались казнить. Да и с Гиляровским он не дрался, а тот убил его просто так. Да и сам Гиляровский был убит не прикладом по голове, а пулей в затылок!

Из воспоминаний Г. Полторацкого: «В это время Вакуленчук, попавший под брезент, обратился ко всем матросам, находившимся на палубе: “Братцы! Нас расстреливают!” Гиляровский выхватил револьвер и выстрелил в Вакуленчука. Тот упал. Матросы разобрали оружие, началась перестрелка. Матюшенко выскочил из каземата... Выйдя на палубу, направился между башней и казематом к двери... где встретился с Гиляровским, которого выстрелом в затылок убил наповал».

А вот другой вариант. Согласно ему Вакуленчук не был ни разводящим караула, ни обреченным на казнь. Ему просто не хватило патронов, и он кинулся в рукопашный бой. Убивают же Вакуленчука уже не из револьвера, а из винтовки. Вспоминает потемкинец матрос Е. Лакий: «Товарищ Вакуленчук, не дожидаясь патронов, начал рукопашный бой со старшим офицером *капитаном 2-го ранга* Гиляровским. Гиляровский схватил у часового заряженную винтовку и застрелил Вакуленчука. Команда тут же уложила Гиляровского и двух лейтенантов, которые пытались сопротивляться».

Из воспоминаний потемкинца С. Токарева, согласно которым Вакуленчук был убит при попытке разоружить Гиляровского, а самого старшего офицера убивают уже некие безымянные матросы: «Явился караул с заряженными винтовками. Тогда матросы зашептались и сначала поодиночке, а затем целыми группами стали переходить направо. На месте осталось человек тридцать, не успевших перебежать к оружейной башне. Но командование корабля не хотело закончить эту стычку мирным путем. Оно хотело запугать команду. Неожиданно старший офицер Гиляровский перегородил путь перебегавшим матросам. “Принести брезент!” – велел он кондукторам. Появился брезент... Его приволокли кондуктора и офицеры. Наступила жуткая тишина... И вдруг из толпы слышим крик: “Не стреляйте!” И уже через секунду несколько голосов закричало: “К оружию!” Гиляровский выхватил револьвер – он хотел сам расправиться с матросами. Но Григорий Вакуленчук кинулся к Гиляровскому. Он хотел отобрать у офицера оружие. И тут Гиляровский выстрелил два раза подряд и ранил Вакуленчука. Рана оказалась смертельной. Тут, слышим, Матюшенко: “К оружию! Бей гадов!” Матросы разобрали винтовки, открыли патронный погреб и пошла стрельба. Первую пулю получил Гиляровский. Его бросили за борт». Истории на любой вкус, выбери любую!

Как мы понимаем, вообще воспоминаниям участников мятежа, да и большинству описаний начала мятежа на броненосце в отечественной литературе надо верить очень осторожно. К примеру, автор некогда популярной книги «Герои “Потемкина”» И. Пономарев вообще явно был не в теме того, о чем он писал. Относительно обстоятельств гибели Гиляровского он вообще пишет абсолютную ахинею. Согласно Пономареву, Гиляровский вообще убежал и спрятался где-то в низах, где и был найден вездесущим Матюшенко, который вначале ранил старшего офицера, а потом подоспевшие друзья-матросы подняли Гиляровского на штыки, на тех же штыках вытащили на верхнюю палубу и выкинули за борт». Но это образец дешевой литературы для широких масс, поговорим о серьезных историках.

Начнем с того, что утверждения отдельных историков о том, что именно Вакуленчук руководил корабельной организацией РСДРП на «Потемкине», документально ничем не подтверждены. Даже столь тенденциозный советский историк революционного движения в военно-морском флоте как генерал С. Ф. Найда, и тот, говоря о политической ориентации

Вакуленчука, ограничивается лишь тем, что последний был членом «Централки» (центрального революционного комитета Черноморского флота по подготовке восстания в 1905 году). Однако, так как никаких документальных списков членов «Централки» никогда не существовало, то и членство в ней того или иного матроса советские историки устанавливали на основании воспоминаний участников событий. Разумеется, по прошествии многих лет и субъективности воспоминаний эту информацию нельзя считать абсолютно достоверной. Однозначно можно сказать и то, что нет ни одного документального свидетельства того, что Вакуленчук был членом РСДРП, а тем более еще и большевиком. О принадлежности Вакуленчука к большевикам стали говорить только после Октябрьской революции, когда партии понадобились герои.

Напомним, что первые разногласия у российских социал-демократов начались на 2-м съезде РСДРП в 1903 году, но окончательно большевики и меньшевики разделились лишь на 3-м съезде в Лондоне в апреле – мае 1905 года. А потому к лету 1905 года ни о каком четком разделении социал-демократов на большевиков и меньшевиков в низовых организациях речи не шло, там еще только пытались разобраться в сути скандала в партийных верхах. Кто придумал большевика-социал-демократа Вакуленчука, в точности неизвестно, но версия эта так понравилась нашим историкам, что ее начали использовать практически все, пишущие о событиях на броненосце «Потемкин». Впрочем, судя по всему, именно Вакуленчук (как вполне возможный член все той же «Централки») все же пользовался большим авторитетом на корабле. При этом поведение Вакуленчука, с точки зрения восставших, было весьма странным. Он откровенно не желал мятежа и не только сам противился ему, но и всеми силами удерживал команду, считая призывы Матюшенко провокацией. Официально считается, что Вакуленчук, как член «Централки», вынашивал свои далеко идущие планы, чтобы мятеж произошел не на одном отдельно взятом корабле, а сразу на всем Черноморском флоте и бунт из-за борща туда не вписывался. Однако это всего лишь догадки историков. О чем на самом деле думал Вакуленчук, мы не знаем, так как он был убит и о своих думах никому рассказать просто не успел. А потому, оставив на совести историков думы Вакуленчука, обратимся к его поступкам, которые говорят об одном – он делал все возможное, чтобы предотвратить восстание.

Честно говоря, знакомясь со всем корпусом исторической литературы по «Потемкину», у меня создалось впечатление, что Вакуленчук вообще не был никаким революционером, а просто авторитетным старослужащим, которого уважали и матросы, и офицеры. Смерть этого корабельного «авторитета» была вначале весьма умело использована организаторами мятежа, когда же имя Вакуленчука как жертвы «офицерского произвола» стало известно всей России, его уже задним числом причислили и к руководителям восстания, и к членам «Централки», и к членам РСДРП, и, наконец, годы спустя и к большевикам. А так как поступки реального Вакуленчука не вписывались в созданный историками образ, то ему и были приписаны некие таинственные раздумья.

Как мы знаем, уже в начале мятежа, когда командир броненосца дал команду, чтобы желающие обедать перешли на противоположный борт корабля и тем самым подали остальным пример смирения и послушания, первым, кто выполнил это распоряжение, был именно Вакуленчук. На глазах всей команды он демонстративно перешел на противоположный борт корабля, недвусмысленно дав понять, что бузу пора прекращать и идти на обед. За ним, как за признанным авторитетом, потянулись и остальные матросы. Этот поступок, вне всяких сомнений, видел Гиляровский. Зачем же ему было убивать именно Вакуленчука, который объективно помогал восстановить порядок на корабле? Наоборот, в данной ситуации Вакуленчук был самым главным союзником старшего офицера! Здесь полная нестыковка! При чем нелогичность поведения Гиляровского столь вопиющая, что историки даже не пытаются

ее объяснить. По их версии, Гиляровский, просто так схватил винтовку и убил своего самого верного помощника. Почему убил – а потому что царский сатрап!

Отметим и тот факт, что взаимоотношения Вакуленчука и Матюшенко были не просто противоположными, а откровенно враждебными. Историки осторожно признают эту враждебность, объясняя ее лишь различным подходом к вопросу времени начала мятежа. А пишут они, что Вакуленчук и Матюшенко были чуть ли не закадычными друзьями. Заметим, что о дружбе Вакуленчука и Матюшенко не упоминает ни один из участников событий, зато глухие упоминания об их явном и давнем соперничестве имеются. Скорее всего на броненосце существовали два конкурирующих между собой клана, боровшиеся за лидерство среди матросской массы. При этом на момент мятежа клан Вакуленчука пользовался куда большим авторитетом среди команды, чем его конкуренты. Кроме этого Матюшенко не пользовался на корабле влиянием Вакуленчука, хотя бы потому, что не был членом «Централки», если Вакуленчук все же этим членом был. Отметим, что в планах «Централки» одесский вариант никоим образом не рассматривался, мятеж надлежало поднимать в Севастополе. В противовес этому Матюшенко явился главным инициатором и последовательным проводником «одесской» линии в «потемкинском» восстании. Совершенно ясно, что после прибытия из Одессы миноносца именно Матюшенко всеми силами провоцировал выступление матросов. Вакуленчук же старался его не допустить. Более внимательное чтение мемуаров участников мятежа на «Потемкине» заставляет вообще задуматься, что все происшедшее на броненосце было спровоцировано именно Матюшенко. Для чего? Об этом остается только догадываться, хотя вариантов не так уж и много. Скорее всего Матюшенко желал стать лидером восстания. Если бы мятеж произошел позднее, по задуманному «Централкой» плану, то Матюшенко там к руководству никто бы не подпустил, так как там имелись свои вожаки. В дальнейшем мы еще поговорим о характере Матюшенко, его патологической жажде власти и склонности к садизму. Пока же ограничимся тем, что если Вакуленчук скорее всего объединял вокруг себя наиболее грамотных матросов, то Матюшенко являлся, как бы сейчас сказали, лидером корабельной люмпен-группировки.

Афанасий Матюшенко личность в нашем повествовании весьма важная. Матюшенко был из крестьян, родился в 1879 году в селе Деркачах Харьковской губернии. До призыва на флот работал смазчиком в харьковском паровозном депо, кочегаром на пароходе, забойщиком скота. С 1900 года на Черноморском флоте. Анархист Харкевич, друг детства Матюшенко, так писал о нем: «Даже тогда в детстве видна была в Матюшенко какая-то... не то ненависть, не то что-то похожее на ненависть к “интеллигенции”».

По воспоминаниям очевидцев, только Вакуленчук мог как-то повлиять на ситуацию и остановить бунт на «Потемкине», но именно его почему-то и убивают. Согласитесь, что такое убийство очень напоминает на заранее запланированное устранение конкурента, которое сразу же решало две весьма важные для сторонников восстания на «Потемкине» задачи:

1. устранение неформального лидера, не желающего восстания;
2. создание повода для последующей беспощадной расправы с офицерами.

Устранение Вакуленчука, да еще инсценированное, как убийство офицером, было на руку только Матюшенко и его сторонникам. Что было, если бы Вакуленчук остался жив? Если он действительно являлся членом «Централки», то, ориентированный не на Одессу, а на Севастополь, он скорее всего принял бы «севастопольский» план дальнейших действий. Направил бы «Потемкин» ни в не нужную никому Одессу, а в Севастополь, где его ждали соратники по «Централке». Матюшенко же был для севастопольских активистов чужим, зато, видимо, своим для одесских. Если же Вакуленчук не был вообще никаким революционером, то, останься он жив, весь мятеж на «Потемкине» закончился бы выявлением и арестом его зачинщиков. А потому в любом случае, если Вакуленчук мешал кому-то на корабле, так только Матюшенко и его сторонникам.

Но мог ли Матюшенко пойти на такое страшное преступление и убить своего товарища? Увы, все воспоминания об этом человеке говорят однозначно, что он не только смог бы это сделать, но и сделал бы с большим удовольствием.

Весьма странно выглядит и тот факт, что, несмотря на всю якобы имевшую место на корабле перестрелку между офицерами и матросами (а ведь на стороне первых был еще вооруженный караул и многочисленные боцмана и кондукторы), среди матросов в первые минуты мятежа не было убито и ранено ни одного человека, кроме Вакуленчука.

Несмотря на многочисленные воспоминания участников «потемкинского» восстания, нет ни одного надежного свидетельства очевидца убийства Вакуленчука. Все видели его уже смертельно раненным, причем в состоянии, когда Вакуленчук не мог говорить. Но кто видел, что в Вакуленчука стрелял именно Гиляровский? Получается, что никто! Впрочем, убийство Вакуленчука все же один человек видел – и это был, разумеется, Матюшенко. По его рассказу, на его глазах якобы Гиляровский вдруг выхватил револьвер (по другой версии винтовку) и выстрелил в Вакуленчука, который в это время что есть силы призывал матросов к восстанию. После чего он, Матюшенко, тут же собственноручно и застрелил Гиляровского. Впоследствии (уже после ареста) Матюшенко даже нарисовал план происходивших на баке «Потемкина» событий, который достаточно хорошо известен и принимается всеми историками без малейших оговорок. На самом деле момент смертельного ранения Вакуленчука весьма темен. И самое странное в нем именно то, что убийство Вакуленчука видел только один человек и им оказался из девятисот человек команды именно его главный оппонент Матюшенко. Не потому ли именно и был после расправы с Вакуленчуком сразу же расстрелян Гиляровский? Ведь останься старший офицер в живых, он вполне мог бы доказать, что не стрелял в матроса, а, кроме этого, назвать имя настоящего убийцы.

Не меньшее подозрение вызывает и место расправы с Вакуленчуком. Основные события восстания происходили, как известно, на баке броненосца, где было собрана вся команда корабля, за исключением одной смены машинной команды, находившейся по вполне понятным причинам в низах. Это не меньше семисот человек, сгрудившихся на палубе шириной в двадцать и длиной в тридцать – сорок метров! Если Вакуленчук призывал матросов идти есть борщ, то он должен бы был находиться среди этих матросов, где убить его незаметно было практически невозможно. Но он почему-то оказывается в одиночестве. Вакуленчука убивают в укромном закутке за носовой орудийной башней главного калибра, там, где, согласно официальной версии, кроме него и старшего офицера, в тот момент никого не было. Но для чего надо было Вакуленчуку, призывая команду послушать офицеров, прятаться за орудийной башней? Кому он там кричал: самому себе или Гиляровскому? Официальное объяснение, что Вакуленчук, мол, кинулся вдогонку за убежавшим от него Гиляровским и таким образом оказался за башней, не выдерживает критики. Если мятеж уже начался, то команда не стояла в строю, а артиллерийская башня не столь уж и велика, чтобы за ней можно было спрятаться от бегающих по палубе матросов. Но совсем другое дело, если на момент выстрела в Вакуленчука команда стояла в строю. Тогда действительно никто не мог видеть, что делается за кормовой башней. Но если команда еще стояла в строю, значит, на тот момент она еще не бунтовала.

Здесь возможны как минимум два сценария развития событий. Во-первых, Гиляровский, видя, что восстание, несмотря на все его усилия, вот-вот может начаться, отозвал за башню Вакуленчука (которого знал как неформального лидера матросов), чтобы обсудить с ним претензии команды и, пока командир корабля успокаивает команду, выработать сообща некое компромиссное решение. Подобный поворот событий, разумеется, абсолютно не мог устраивать Матюшенко, а потому он, выхватив из рук караульного матроса винтовку, кинулся вслед за Гиляровским и Вакуленчуком за башню, где и застрелил обоих. При этом он решал сразу две задачи: прежде всего, избавился от Вакуленчука, а убийством Гиляровского

спровоцировал последующую расправу с офицерами. Это тоже была часть плана, так как убийство офицеров полностью исключало возможное покаяние команды перед властями в дальнейшем. Во-вторых, Матюшенко и его сторонники просто-напросто могли под каким-то предлогом отвести Вакуленчука за башню и там его просто расстрелять. Он был политическим соперником Матюшенко, а момент для устранения был самый подходящий. Выстрелы, разумеется, тут же приписали офицерам, после чего и последовала расправа, а уж затем задним числом убийство Вакуленчука было приписано наиболее нелюбимому командой, в силу его должности, Гиляровскому.

Есть в истории с Вакуленчуком еще один весьма темный момент. В официальной версии убийства это выглядит следующим образом. После того как Гиляровский якобы выстрелил в Вакуленчука и смертельно его ранил, тот из последних сил пополз на правый борт броненосца и вывалился там за борт. Падающее тело заметили матросы, находившиеся в тот момент на стоящей под выстрелом шлюпке. Они быстро подняли тонущее тело Вакуленчука, который к этому моменту был без сознания.

Честно говоря, я не могу себе представить, зачем и, главное, как истекающий кровью, умирающий матрос ползет в состоянии комы более десяти метров (ширина палубы «Потемкина» составляла 22 метра), затем еще перелезает через леер и падает в воду, чтобы тут же утонуть. Мог ли вообще Вакуленчук проделать этот путь без посторонней помощи? Скорее всего умирающему просто «помогли» выброситься за борт. Но кто? Гиляровский? Но я слабо представляю себе, чтобы в момент, когда решалась судьба корабля, старший офицер, ранив матроса, взваливает его себе на спину и тащит топить. К тому же это наверняка увидели бы матросы. Старший офицер слишком заметная фигура на корабле, а волочащий на себе окровавленного матроса – тем более. Да и не мог Гиляровский этого сделать, потому что почти одновременно с Вакуленчуком был убит сам.

Тогда, может быть, это дело рук Матюшенко? Это вполне вероятно и вот почему. Дело в том, что Гиляровского Матюшенко, по его собственному заявлению, убил прямо за кормовой башней главного калибра. Но если бы Гиляровский тащил на себе выбрасывать за борт Вакуленчука, то ему надо было опять вернуться за башню, где его и убил Матюшенко. Это передвижение заняло бы достаточное время и противоречит рассказу самого Матюшенко о том, что Гиляровский выстрелил в Вакуленчука на его глазах. Получается, что Гиляровский никак не мог тащить Вакуленчука. А Матюшенко? Вполне! И эти его действия вполне логичны. Сделав выстрелы в разговаривающих между собой Гиляровского и Вакуленчука, Матюшенко увидел, что старший офицер убит наповал, а его Вакуленчук лишь ранен. Добивать раненого было опасно. Первые выстрелы уже взбудоражили команду и на третий могли прибежать матросы и увидеть, кто на самом деле убивает их любимца. В этой ситуации Матюшенко скорее всего бросился на ют с криком, что офицеры убили Вакуленчука и теперь за это их самих надо убивать. Выбросить же за борт умирающего Вакуленчука он приказал кому-то из своих ближайших подручных. В неразберихе происходящих на юте событий матрос волочащий к борту другого матроса, особого внимания к себе не привлек. Довести до логического конца свой план по устранению Вакуленчука помешали матросы, выловившие тонущего Вакуленчука из воды. Впрочем, на счастье Матюшенко, его соперник уже находился в коме и не мог назвать имя своего убийцы.

Вспоминает бывший потемкинец Алексеев: «Командир Голиков сказал матросам: “Если вы, мерзавцы, не будете кушать борщ, не будете повиноваться, то я вас направлю туда (и он показал вверх рукою на реи). Вы знаете, что я ваш командир, я вас помилую и я вас накажу”. И после этого матросы отказались обедать. Тогда командир передал через старшего офицера Гиляровского распоряжение, чтобы прислали караул. Явился боевой караул и выстроился напротив нас. Караулу приказали взвести винтовки на нас. Командир Голиков обратился к матросам: “Если вы не будете слушаться, если вы не будете кушать борщ, то

я накормлю вас свинцовыми пулями». Ответа не последовало. Тогда Гиляровский приказал караулу: «Пли!». Выстрела со стороны караула не последовало. Тогда Гиляровский попытался выхватить у близстоящего матроса винтовку, но матрос ему не дал винтовки. Тогда он дал приказ немедленно принести револьвер. В то время как раз из-за палубы (!) выбежал Вакулинчук и обратился к матросам, стоявшим в карауле: «Товарищи караульные, не стреляйте в своих братьев, через несколько минут эти кровопийцы вас всех постреляют!». В то время Гиляровский направил пистолет на Вакулинчука и убил его. Вакулинчук покатился по трапу (!), но его подняли».

Рассказ Алексеева весьма странный и путанный. Он рассказывает небылицы о том, что Гиляровский уже приказывал открыть огонь по невиновным матросам, что отвергают и исследователи потемкинских событий, и остальные потемкинцы. Весьма странно выглядит и утверждение, что Вакуленчук куда-то бегал вниз, тогда как на самом деле он все время находился наверху, а вниз бегал неустоимый Матюшенко. Кроме того, по какому трапу Вакуленчук мог катиться и как же он мог в конце концов оказаться за бортом, когда его, раненого, подняли матросы. Однако, несмотря на многие несоответствия, настораживает, что Алексеев, возможно, на самом деле видел, как раненого Вакуленчука сразу же после ранения несли куда-то на руках матросы. Уж не те ли друзья Матюшенко, которые и вышвырнули затем Вакуленчука за борт?

О не случайном, а спланированном устранении Вакуленчука говорит и тот факт, что, кроме него, офицерам не приписывают больше ни одного убийства матросов. Это говорит о том, что офицеры изначально не собирались применять оружие и не применяли его. К слову сказать, они вообще практически не оказали никакого сопротивления взбунтовавшимся матросам, лишь разбежались и заперлись по каютам. Почему? Ответ, думается, прост. Офицерский состав броненосца находился в тот момент в самом депрессивном состоянии после недавнего известия о гибели нашей эскадры у Цусимы. Шок от невиданного разгрома был настолько велик, что многие морские офицеры (по отзывам современников) потеряли в тот момент веру не только в смысл службы, но и в смысл жизни. Это не могло остаться вне внимания команды и, возможно, тоже было учтено Матюшенко при планировании мятежа.

Взаимосвязь с убийством Вакуленчука и последующей расправой команды с офицерами прослеживается и во многих научных исследованиях о восстании «Потемкина». Убийство офицеров оправдывается как отмщение за Вакуленчука и отчасти «азартом» восставших. Но это оправдание, как мы понимаем, действительности не соответствует. Но зачем было на самом деле организовывать массовое убийство офицеров? Скорее всего для того, чтобы, совершив его, вся команда «Потемкина» автоматически попадала в разряд обвиняемых по самой страшной статье морского законодательства: бунт в море с последующей расправой над командиром и офицерами. На уголовном жаргоне это называется «повязать кровью». После этого никакой пощады участникам мятежа быть уже не могло. Недаром все последующие годы царская охранка неустанно разыскивала и вылавливала возвращавшихся из Румынии потемкинцев, дотошно выясняя, кто именно принимал участие в издевательствах и убийствах офицеров. Те, чью вину доказывали, тут же отправлялись на виселицу или на бессрочную каторгу. Ненужная, бессмысленная кровавая расправа с офицерами навсегда отрезала команде «Потемкина» все пути к покаянию. Матросы понимали: прощения им не будет. Отныне и навсегда они должны были быть на стороне Матюшенко и его поделщиков.

Пройдет время, и история «потемкинского» восстания будет залегендирована в знаменитом фильме Сергея Эйзенштейна, в сотнях научных и околону научных монографий, картин и популярных книжках. Героям-потемкинцам поставят памятники, и самый нелепый и нелепый, разумеется, в Одессе.

Итак, «Потемкин» бросил якорь на рейде города. Когда же утром 15 июня одесситы пришли в порт посмотреть на новейший броненосец, то там их ожидал страшный сюр-

приз: на конце Нового мола стояла палатка с телом убитого матроса. Это был матрос Григорий Вакуленчук. Казалось бы, этот факт хорошо известен и никаких сомнений вызывать не может. Но и здесь не все так просто! Свидетель событий в Одессе летом 1905 года С. Орлицкий пишет, что настоящая фамилия матроса была не Вакуленчук, а... Омельчук. Факт того, что матрос имел фамилию не Вакуленчук, а Омельчук, подтверждает в своем донесении о восстании на «Потемкине» командир Одесского порта генерал-майор Перелешин. Возможно, в неразберихе тех дней кто-то просто перепутал фамилию, так бывает довольно часто. Однако возможно, что за, казалось бы, заурядной путаницей с фамилией кроется куда более важное обстоятельство. Дело в том, что в календаре русской революции петроградского издательства «Шиповник» за 1917 год относительно одесских событий 1905 года написано, что во время первого столкновения с полицией был убит не один, а два рабочих. «Один из трупов украла полиция, другой рабочие подняли на носилки и с пением “Варшавянки” понесли по рабочим кварталам». Но зачем полиции воровать труп рабочего? Что, у них других дел не было тогда? Не логичнее ли предположить, что труп был припрятан самими организаторами восстания. Для чего? Да для «Потемкина»! Не этот ли труп и положили в палатку на Новом молу, выдавая его за труп потемкинца? Куда же тогда подевался труп Вакуленчука? Может, именно поэтому и возникла весьма странная путаница с фамилией? Это даже не версия, это всего лишь предположение, однако кто сегодня сможет на 100 % утверждать, что этого не могло быть. События последних лет убеждают, что во имя захвата власти отдельные политики и политические партии идут и не на такие провокации!

Подводя итог истории с убийством Вакуленчука, можно с большой долей уверенности утверждать, что он стал жертвой своего соперника Матюшенко, который сразу же весьма ловко использовал труп убитого соперника в своих интересах.

Предатель Матюшенко

Разумеется, служба в российском императорском флоте никогда раем не была. Как и на каждом флоте, случалось всякое. Бывали и преступления, и несчастные случаи. Офицеры тоже были далеко не ангелами, могли и под суд отдать, и по морде съездить. И хотя к началу XX века телесные наказания были уже далеко в прошлом, все же морды нерадивым матросам иногда били. Сказывалась и кастовость кадрового офицерства, которое было практически полностью дворянское и в силу этого не имело ничего общего с низшими социальными слоями. Все это так. Но доподлинно известно и то, что офицеры били матросов весьма редко, и рукоприкладство это в самой офицерской среде презирилось, а потому не было типичным. Если кто и бил матросов, так это сверхсрочники-кондуктора, да и то, сомневаюсь, что кто-то из них поднял бы руку на знающего свое дело старослужащего матроса. Если кондуктора и давали подзатыльники, то исключительно бестолковым новобранцам, чтобы учились шустрее. Но так было всегда, в том числе и в советское время. Командир отделения и по шее даст, и пожалеет, и на путь истинный наставит. Что касается «Потемкина», то, несмотря на все обвинения в адрес командования корабля, я нигде и никогда не встречал в воспоминаниях потемкинцев упоминания о конкретных случаях избияния матросов офицерами корабля. Ругали, это было. А слышали ли вы, как поносили нерадивых матросов на советских кораблях, да и на сегодняшних российских? Так что из-за этого всякий раз устраивать мятежи?

К тому же «Потемкин» еще не был принят в состав флота. На броненосце велись доделочные работы, и сам он пошел к Тендре, чтобы опробовать новые орудия и отработать артиллеристов. На новостроенных кораблях команда всегда очень «сырая», так как является сборной с разных кораблей и учебных отрядов. А потому задача любого командира в этой ситуации в кратчайшее время создать из матросской массы то, что называется лаконично, но емко – экипаж. Период достройки опасен и резким падением дисциплины, так как на корабле идут заводские работы, туда-сюда снуют рабочие, внося неразбериху, да и сами матросы больше работают, чем занимаются службой, а потому любой корабль в период достройки больше напоминает плохой партизанский отряд, чем экипаж боевого корабля. Этот период времени традиционно дает всегда всплеск правонарушений. Отметим, что и второй мятеж на Черноморском флоте в ноябре 1905 года был поднят на крейсере «Очаков», корабле, находящемся в стадии достройки. Это, разумеется, не случайно.

В июне 1905 года перед командиром «Потемкина» капитаном 1-го ранга Голиковым и его старшим офицером капитаном 2-го ранга Гиляровским стояла серьезная задача – как можно быстрее ввести свой корабль в боевой состав флота. После Цусимы Россия осталась безоружна на море, и необходимо было в кратчайшие сроки пополнить флот полноценной боевой единицей. Это они, увы, сделать так и не успели. О том, что команда «Потемкина» была профессионально подготовлена очень плохо, говорит то, что, оказавшись без офицеров, матросы так и не смогли (и слава Богу!) освоить стрельбу из орудий главного калибра и за несколько дней полностью засолили все котлы корабля.

Потемкинец Н. Рыжий в своих воспоминаниях делит матросов «Потемкина» на сознательных, тех, кто постоянно нарушал дисциплину и бунтовал (именно к таким относился Матюшенко и его ближайшее окружение, включая самого Н. Рыжего), и «жлобов», «которые старались служить «верой и правдой» начальству и все действия офицерства считали законными. То были в большинстве представители селян-куркулей. Они только и мечтали отслужить как-нибудь и вернуться в свою сельскую среду живыми и здоровыми». Подавляющее дисциплинированное большинство команды было, по градации Н. Рыжего, разумеется, «жлобами». Вообще, честно говоря, надо быть на самом деле изрядно не в себе, чтобы

не мечтать «отслужить и вернуться живыми и здоровыми». Мечтать о судьбе уголовника может только истинный люмпен... Заметим, что на матросском жаргоне того времени так называемые «сознательные» матросы тоже имели свое наименование – их звали «шпаной».

Сборная команда корабля – это еще не экипаж, а толпа, состоящая из большого количества так называемых «жлобов» и некоторого количества «шпаны», которая и подчиняется законам толпы. В случае «Потемкина» в этой толпе нашелся вожак (из самых «сознательных»), сумевший частью спровоцировать, частью запугать дисциплинированных матросов («жлобов») и подвигнуть их на выступление против власти. При этом именно Матюшенко первым бросился к оружию, а потом устроил и показательные казни офицеров, делая показание команды (и в первую очередь все тех же «жлобов») перед законной властью невозможным. Думаю, что если бы на «Потемкине» не произошло мятежа 14 июня, то через несколько месяцев, когда команда хотя бы немного отработалась и на корабле установился полный уставной порядок, ни о каком восстании не было бы и речи.

Все дело в том, что, начнись общее восстание флота, и Матюшенко бы там ничего не светило. В «Централке» были ребята намного умнее и грамотнее его, да к тому же с хорошими родственными связями. Малограмотный, угрюмый, склонный к садизму и откровенно анархизирующий Матюшенко там был бы, что называется, «не ко двору». В «Централке»правляли другие. К примеру, руководитель восстания на судне «Прут», один из лидеров «Централки» матрос Петров-Стопани, был племянником известного революционера Стопани («Карпа»). А поэтому организацию мятежа на «Потемкине» ранее намеченного «Централкой» срока следует считать полнейшей инициативой Матюшенко, организованной с единственной целью – самому стать лидером.

Уже 1 июля 1905 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщала, что в Констанце один из потемкинцев заявил иностранным журналистам, что по предварительному плану им следовало ожидать условного сигнала к восстанию всего Черноморского флота, а на «Потемкине» как на грех возник спор из-за качества пищи – этим весь план и был нарушен. Если тогда еще кто-то мог принять это за газетную «утку», то сегодня известен целый ряд достоверных подтверждений: план общефлотского восстания действительно существовал. И это многое объясняет. Выходит, что команду «Потемкина» уже заранее готовили к неповиновению, настраивали против корабельного начальства, побуждали к протестным действиям в течение долгого времени – речами агитаторов, прокламациями и воззваниями на тайных сходках и митингах. Такую целенаправленную «накачку», к технологиям которой мы еще вернемся, один из матросов «Потемкина», Иван Лычев, метко сравнил с нагнетанием пара в котлах – при первом же возбуждении эти клапаны и сорвало! Впоследствии, уже после ареста Матюшенко, заведующий политической частью имперского департамента полиции Рачковский известит начальство о признании, сделанном Афанасием Матюшенко: «У нас предполагался бунт на “Потемкине” на два дня позднее, но пища вызвала мятеж раньше, и этим нарушен был общий план».

О том, как заранее и тщательно готовила «стихийный» мятеж банда Матюшенко, проговорился в своих воспоминаниях весьма близкий к Матюшенко потемкинец Н. Рыжий: «После того, как Матюшенко призвал команду к оружию, восстание пошло, как по команде, быстро. Это значит, что подготовка, которая велась на корабле, была использована, и многие участники знали свое место и обязанности. Поэтому пошло все быстро. Вначале казалось странным: как это могло случиться, что как только заскочили первые ряды восставших в батарейную палубу, сразу уже начали стрелять. Но это объяснилось тем, что кто-то из матросов строевой части корабля позаботился об этом раньше. Он на всякий случай там же у батарейной палубы, за икону святого Николая-угодника спрятал обоймы патронов, которые и были использованы восставшими в первый момент... Революционеров, которые были готовы на любые революционные действия, было человек 70».

Относительно того, кто фактически должен был возглавить мятеж всего Черноморского флота, любопытны изыскания украинского историка Евгения Шафранского: «Содержание этого плана (плана восстания флота. – В. III.) изложил в своем предсмертном письме на борту плавучей тюрьмы Александр Петров: “Мы видели, как трудно сделать восстание всеобщим, необходимо, чтобы оно охватило широкий район. А где же такой широкий район, как не у нас, на Черном море? Кто, как не мы, матросы, начав революцию в Севастополе, способны перебросить ее сразу на Кавказ, с Кавказа в Одессу, в Николаев. О том, что войско возьмет участие, мы не сомневаемся. Ощувив за собой поддержку флота, оно бы отбросило все опасения. Потому мы готовились начать дело”». Так что фактическим лидером общefлотского мятежа являлся, по-видимому, именно Петров-Стопани. После предательства Матюшенко он предпринял отчаянную попытку спасти ситуацию: поднял бунт на транспорте «Прут», на котором служил, и помчался на перехват «Потемкина», чтобы забрать власть у Матюшенко и начать действовать в интересах «Централки». Но «Потемкин» он так и не настиг. Может, ему просто не повезло, может, Матюшенко сделал все от него зависящее, чтобы не встретиться с «Прутом». Вскоре «Прут» был перехвачен эсминцем «Стремительный». Петров-Стопани был арестован и после суда казнен.

Б. И. Гаврилов в своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «События, происшедшие на броненосце “Потемкин”, приоткрывают одну историческую тайну, о которой впоследствии поведал активный троцкист Христиан Раковский: “Бунт на “Князе Потемкине” – это частичный, преждевременный срыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить огненным кольцом весь русский Черноморский флот. Это восстание должно было вспыхнуть в июле, во время больших морских маневров. По условному сигналу – две ракеты, выпущенные с палубы броненосца “Екатерина II”, – участвовавшие в заговоре матросы должны были убить своих офицеров и от “имени народа” овладеть всеми судами. Как известно, несчастный инцидент с тухлым мясом преждевременно вызвал бунт на “Князе Потемкине” и разрушил весь наш план».

Еще более конкретно об этом плане писал в своих воспоминаниях Фельдман: «Восстание должно было вспыхнуть на Тендре, пустынном острове, куда ежегодно выезжает на маневры эскадра. Ночью, в заранее условленный час, на всех кораблях участники заговора бросятся на спящих офицеров, свяжут их и объявят республику». Но, думается, мало кто из участников намечавшихся событий догадывался, что речь идет не об установлении республиканского строя во всей России, а о создании иудейской республики, отделенной от России. Похоже, об этом не знал даже Матюшенко, который за несколько дней до выхода к Тендре на стрельбы запрашивал Севастопольский комитет Бунда, не нанесет ли «Потемкин» вреда революции, если поднимет мятеж. Этот запрос вызвал переполох среди еврейских сепаратистов. «Состав команды “Потемкина”, – писал Фельдман, – не особенно благоприятствовал восстанию». На броненосце почти не велась агитация, матросы считались самыми отсталыми, им больше импонировал бунт, чем организованное восстание. Поэтому Севастопольский комитет, не желая разъединять действия матросов-заговорщиков, просил Матюшенко не предпринимать никаких действий до начала восстания на других кораблях.

И опять обратимся к книге Б. И. Гаврилова «В борьбе за свободу»: «“Централка” ускорила подготовку всеобщего восстания матросов Черноморского флота, намечая его на время маневров осенью 1905 г. Члены “Централки” полагали, что к этому времени революционное движение в России достигнет наивысшего подъема, а кроме того, они знали, что в связи с учениями корабли будут обеспечены боеприпасами. Поскольку далеко не все корабли были затронуты социал-демократической пропагандой, революционные матросы рассчитывали до конца маневров успеть провести на них соответствующую работу. Осенью же уходили в запас старослужащие матросы, слабо охваченные революционной пропагандой, а те, кого призывали вместе с первыми моряками социал-демократами Черноморского флота, остава-

лись на службе. Революционные матросы считали, что их сверстники более восприимчивы к социал-демократической пропаганде и агитации и поддержат восставших товарищей. Надеялись они и на поддержку солдат севастопольской крепостной артиллерии. А береговым артиллеристам должны были помочь десантники команд учебного судна “Прут” и учебного крейсера “Днестр”. Начинать восстание должен был эскадренный броненосец “Екатерина II”, имевший самую крепкую организацию РСДРП.

В случае неблагоприятной ситуации для восстания на море оно должно было начаться во время парада у Владимирского собора. Самым надежным матросам поручалось уничтожить собравшееся в одну группу начальство и поднять на мачте штаба флота сигнал к общему выступлению матросов и солдат гарнизона. Об этом было написано в письме матросов-предателей, посланном ими адмиралу Г. П. Чухнину из Румынии уже после сдачи “Потемкина”. Другие источники не сообщают о таких деталях первого плана восстания. В том же письме было указано, что сведения получены “от одного матроса, состоявшего членом социал-демократического кружка и принимавшего деятельное участие в беспорядках на броненосце “Потемкин”. Учитывая это, а также реальность выполнения изложенного плана, можно почти не сомневаться, что он действительно существовал и мог бы обеспечить успех Восстания.

После победы на кораблях и в Севастополе намечался захват всего Причерноморья. Но вскоре произошло событие, которое нарушило все планы революционеров. 7 июня началось волнение солдат севастопольских батарей. Командование приказало броненосцам быть готовыми открыть огонь по фортам. Матросы с негодованием встретили этот приказ, а команды “Екатерины II” и “Трех Святителей” прямо заявили, что стрелять не будут. Порядок в фортах вскоре был восстановлен, но возмущение матросов росло, грозя перейти в восстание. Командование списало “неблагонадежных” моряков на берег и решило увести эскадру в море, чтобы изолировать ее от революционных событий. Только с “Потемкина” было списано около 300 человек.

Узнав о решении командования, “Централка” 10 июня созвала сходку представителей кораблей и частей с целью выяснения настроений матросов и солдат и предотвращения возможности стихийных выступлений. Моряки “Потемкина” послали на сходку 15 делегатов. Присутствовавшие на сходке меньшевики пытались убедить матросов, что обстановка для восстания еще не созрела. В ответном выступлении член “Централки” А. М. Петров (Петров-Стопани. – В. III.) опроверг эти доводы. Он указал на небывалый рост революционных настроений в Черноморском флоте, рассказал собравшимся о революционной борьбе рабочих и крестьян Кавказа и напомнил резолюцию III съезда РСДРП о восстании. А. М. Петров доказывал, что восставший флот станет базой революции, что восстание черноморцев послужит примером для народных масс и поможет им подняться на борьбу. Его речь горячо одобрило большинство собравшихся. По ней участники сходки приняли следующую резолюцию:

“1. Матросы должны первыми начать восстание.

2. Для предупреждения сопротивления со стороны неразвитых матросов присутствующие на митинге должны в своих экипажах и на судах вести среди первых подготовительную к восстанию агитацию.

3. Восстание начать в Тендровском заливе, куда эскадра выйдет на практические занятия.

4. Сигнал к восстанию должен дать броненосец “Ростислав”, он же должен быть и руководителем во время восстания.

5. Сигналом послужит выстрел из орудия, который должен быть дан в обеденное время, когда офицеры будут в кают-компаниях.

6. Все ключи заранее должны находиться у сознательных сигнальщиков и трюмных машинистов.

7. Все матросы должны вооружиться и распределиться по частям в карауле: а) одна часть на мостике, б) другая – на батареейной и жилой палубах и в) третья – возле спасательных клапанов и клапанов затопления и т. д., – вообще караул должен быть наготове на всех более или менее важных местах.

8. По выполнении вышеописанных обязанностей матросы каждого судна, в количестве 100 человек должны двинуться в кают-компанию и во что бы то ни стало арестовать офицеров...

9. Арестовать вахтенного начальника.

10. Распределить среди матросов и старшего флагмана места, занимаемые командирами и офицерами”.

В приведенной резолюции содержался подробный план захвата кораблей во время маневров в Тендеровской бухте. Он отличался от прежнего плана, по которому восстание должен был начать броненосец “Екатерина II”. Вероятно, участники сходки решили, что социал-демократическая организация этого судна сильно ослаблена арестами и удалением политически неблагонадежных матросов (в частности, был списан на “Прут” А. М. Петров). Возможно также, что учитывался и психологический фактор – “Ростислав”, который должен был начать восстание по новому плану, являлся флагманским кораблем и его пример мог оказать воздействие на несознательных матросов. Изменились и сроки восстания: теперь его намечали на 21 июня, т. е. на время маневров. Принятый план обеспечивал бы победу восставшим в случае сохранения его в строжайшей тайне и одновременности выполнения его пунктов всеми кораблями. В плане удачно сочетались удаленность флота от главных сил контрреволюции, его боевая мощь и маневренность. Победа восстания моряков под руководством РСДРП и соединение его с рабочим и крестьянским движением привели бы к образованию на юге России революционной армии и временного революционного правительства, т. е. к осуществлению ленинской идеи революции».

Итак, до 21 июня оставалась всего какая-то неделя, но по инициативе Матюшенко мятеж начался 14 числа. Отметим, что к времени начала мятежа Матюшенко подошел грамотно. Во-первых, «Потемкин» находился в одиночном плавании, и следовательно, никто из «Централки», за исключением Вакуленчука, помешать мятежу не мог, а с ним, как мы знаем, расправились в первые же минуты бунта.

Во-вторых, дню мятежа предшествовал выходной день, когда очень легко было отработать действия активистов бунта. В обычный день, насыщенный работами, тренировками и учениями, тщательно подготовиться к восстанию было бы сложно, так как все заняты своими делами на боевых постах и особенно по кораблю не побродишь. Именно в этот выходной день было проведено тайное совещание, на котором окончательно разругались Вакуленчук и Матюшенко, именно в этот день был окончательно намечен план мятежа, а каждый из окружения Матюшенко усвоил свои обязанности на завтрашний день.

Если к этому прибавить сигнал из Одессы с указанием тамошних революционеров о необходимости присутствия мятежного броненосца в Одессе и легенды с «червивым» мясом, то для Матюшенко было абсолютно ясно, что более такого благоприятного момента ему уже никогда не представится. Это был его единственный шанс, и Матюшенко его не упустил. Уверен, если бы не удалось придрататься к мясу, нашелся бы другой повод: гнилая капуста, прогоркшая каша, несладкий компот и т. п.

Заметим и еще одну особенность времени начала мятежа, которая почему-то ушла от внимания наших историков. Дело в том, что корабельный распорядок на кораблях русского флота был на редкость продуман и отработан. Кстати, основные его принципы сохранены и до сегодняшнего дня. В полдень после утренних работ на заведованиях и трениров-

ках на боевых постах матросы принимали традиционную чарку – 100 граммов казенной водки. Сразу после этого следовал плотный обед из трех блюд, обязательно с мясом. После обеда все, кроме вахты, и офицеры, и матросы отдыхали в течение знаменитого «адмиральского часа». Затем следовала команда «Подъем» и происходил развод на работы и занятия. Что же произошло 14 июня на «Потемкине»? А произошло следующее. Перед обедом матросы выстроились на получение чарки. 100 граммов водки, на первый взгляд, для молодых ребят, из которых состояла команда броненосца, вроде бы не так и много. Но водку пили на голодный желудок, да еще в июньскую жару, и свое воздействие она оказала. По распорядку, (и не случайно!) после чарки сразу всегда следовал плотный обед и сон. Но на этот раз не было ни того, ни другого. Алкоголь, как мы знаем, вселяет бесшабашность и отчаянность, и люди под его воздействием совершают зачастую поступки, не слишком задумываясь над их последствиями. А потому я просто уверен, что момент мятежа был выбран просто гениально: сразу после чарки и без обеда. И то и другое плюс жара оказали на матросов свое воздействие, а потому и провокационный крик Матюшенко хватать винтовки и бить офицеров был сразу подхвачен не слишком трезвыми матросами. Отрезвление у них наступит скоро, но тогда, когда уже ничего исправить будет нельзя.

Заметим, что большинство мятежей на российских кораблях начиналось как раз перед обедом, после принятия чарки. Так было и на крейсере «Память Азова» в 1906 году, и на линкоре «Гангут» в 1916.

Немаловажный вопрос: кто составил «гвардию» Матюшенко во время мятежа? Любой служивший на большом корабле знает, что даже весьма авторитетный матрос авторитетен прежде всего в своем собственном подразделении. В корабельной жизни машинисты и комендоры общаются не слишком часто, и у всех свои собственные лидеры. В этих условиях стать общекорабельным лидером было бы почти невозможно, если бы не особая система отношений между матросами на российском флоте, берущая свое начало еще с парусных времен.

Дело в том, что каждый молодой матрос по прибытии на корабль должен был обязательно избрать из старослужащих матросов себе «дядьку». В обязанности «дядьки» входило обучение «племяша» тонкостям корабельной службы и жизни, а кроме того, его защита от кулаков других старослужащих матросов и «шкур», т. е. унтер-офицеров. Отметим, что инициатива выбора при этом шла не от старшего, а от младшего. Быть «дядькой» считалось у старослужащих матросов почетно и выгодно, так как «племяши» брали на себя многие бытовые заботы своего «дядьки»: стирали его одежду, делали приборку и т. д., а потому чем больше было племяшей у «дядьки», тем лучше и сытнее ему жилось. Ну а молодые матросы в свою очередь старались, чтобы их «дядькой» был наиболее авторитетный старослужащий матрос со здоровенными кулаками.

Выбрав себе «дядьку», молодой матрос просил разрешения стать его «племяшом». Если «дядька» не был против, то молодой матрос давал ему присягу на верность, что будет всегда во всем его слушаться и повиноваться. После этого новоиспеченный «племяш» через того же «дядю» покупал не менее двух бутылок водки. Далее следовал ритуал обмывания родственных отношений. Племяшу при этом наливали стакан водки и бросали в него кусочки хлеба и колбасы (это называлось «мурцовкой»), остальная водка распивалась дядькой и взводным унтер-офицером, который приглашался как свидетель. Отныне «племяш» обязан был быть преданным во всем своему «дядьке», пока тот не уволится в запас, а сам «племяш» не станет «дядькой» для новых молодых матросов. Что касается офицеров, то все они прекрасно знали об этой неофициальной структуре подчиненности, но ничего против не имели, так как она помогала поддерживать порядок на корабле.

В случае с «Потемкиным», кроме всего прочего, достаточно большое число мятежников (около 70 человек) можно объяснить именно наличием данной неофициальной верти-

кали власти в низах. Матюшенко и его ближайшие дружки, такие, как Резниченко, обладая серьезным авторитетом и крепкими кулаками, имели у себя в подчинении достаточное количество «племяшей», которые всегда были готовы действовать по их приказу.

Будучи сам в серьезном «авторитете» и имея влияние на десяток достаточно авторитетных приятелей из корабельной «шпаны», Матюшенко одновременно являлся «хозяином» и всех их «племяшей», что в сумме и составляло 60–70 человек. Это были лично преданные ему матросы, с которыми вполне можно было попытаться захватить корабль, глубоко наплевав на какую-то там «Централку».

Да, Матюшенко – классический провокатор, но почему предатель? Предатель же он потому, что своей провокацией 14 июня он полностью перечеркнул всю революционную работу сотен других мятежников на флоте. Вообще, объективно говоря, выходка Матюшенко в конечном итоге сыграла на руку властям. Можно только себе представить, что случилось, если бы мятеж поднял не только «Потемкин», а полностью удался весь план «Централки». Сколько людей бы тогда погибло, и какие последствия имел бы мятеж целого флота для России! Но ничего этого, слава Богу, тогда не произошло и не произошло во многом благодаря именно Матюшенко, который решил не ждать остальных, а начать первым. Почему он это сделал? Помимо несомненных личных связей Матюшенко (минуя «Централку») с Одессой, которой он, несомненно, подчинялся, Матюшенко имел и свои личные виды. Дело в том, что, первым подняв мятеж, при дальнейшем присоединении к нему остальных кораблей (в чем Матюшенко не сомневался), лидером и вожаком всего флота был бы теперь именно он, а не ранее назначенные «Централкой» люди. Восставшему первым и руководить всем делом! А дело представлялось для Матюшенко грандиозным – свержение царя и установление в России всеобщей анархии, то есть полное уничтожение российской государственности. Страшно даже представить, что мог накуролесить Матюшенко, удайся его план. Тут и Троцкий показался бы невинным ягненком. Но ничего этого не произошло.

Члены «Централки», которые были «подставлены» мятежом Матюшенко и вскоре были разоблачены и арестованы, не могли не винить в провале общего дела и в своих бедах человека, предавшего и погубившего их ради собственного успеха и славы.

Поэтому в среде матросов-революционеров отношение к Матюшенко всегда было весьма не однозначное. Они прекрасно понимали, что именно личные амбиции Матюшенко и его одесских покровителей сорвали все планы севастопольских мятежников. Для них Матюшенко, несмотря на весь его революционный флер, был самым настоящим предателем.

Мятежная Одесса

Мы уже отмечали, что в восстании «Потемкина» настораживает тот факт, что оно началось сразу после прибытия миноносца из Одессы, и почему, сразу же после захвата корабля, мятежники направили его именно в Одессу? Несвежее мясо – это, разумеется, всего лишь повод, но никак не причина восстания. Кто и какой приказ привез на броненосец из Одессы, до сих пор неизвестно. Но то, что броненосец в Одессе ждали и к его встрече уже готовились – это факт, о котором мы еще поговорим. Да и случайно ли были привезено на броненосец это червивое мясо? Так что «одесский след» в деле «Потемкина» прослеживается весьма явно.

Итак, перебив офицеров и захватив корабль, Матюшенко со своими единомышленниками направили корабль в Одессу. «Когда пар в котлах довели до 150 фунтов, – писал впоследствии в своих воспоминаниях машинный квартирмейстер Денисенко, – приказали пустить машины в ход... И колеса машины загремели необычным звуком, как будто сообщая всему миру о происшедшем на корабле, как будто и они услышали о равенстве, братстве, свободе...» На революционном корабле, надо понимать, и машины работают по-другому, и пушки стреляют ни как у всех, а более справедливо...

А теперь зададимся вопросом: почему восставший «Потемкин» сразу же помчался именно в Одессу, а не в Севастополь, чтобы присоединить к себе остальной флот? С точки зрения здравого смысла поход в Одессу команде «Потемкина» ничего реального дать не мог, ибо броненосец по-прежнему оставался одинок перед лицом всего Черноморского флота. В Одессе не было даже береговых батарей, чтобы в случае чего совместно с «Потемкиным» отразить нападение Черноморского флота. При этом, учитывая, что восстание на «Потемкине» началось совершенно внезапно для флотского командования, приход «Потемкина» в Севастополь мог сразу же присоединить к нему большую часть эскадры. Одесса «Потемкину» была абсолютно не нужна, зато Одессе «Потемкин» в начале восстания был весьма нужен. Мало того, броненосец там уже с нетерпением ждали. Мало того, как мы увидим в дальнейшем, к приходу «Потемкина» в Одессе уже готовились, в том числе были определены и лица, которые примут командование мятежным кораблем. Есть информация, что в это время в Одессе пребывал известный «красный лейтенант» Петр Шмидт. Один из руководителей мятежа в Одессе, Цукерберг, утверждал, что предполагалось командование «Потемкиным» передать в руки именно Шмидту. О роли лейтенанта Шмидта в одесских событиях лета 1905 года мы еще будем говорить в очерке, посвященном ему. Пока же нам интересен сам факт подготовки встречи броненосца. О какой стихийности и неожиданности мятежа на броненосце можно здесь вообще говорить, когда все было спланировано и предусмотрено заранее!

А потому можно с большой долей уверенности предположить, что решение на поход к Одессе принималось вовсе не на палубе мятежного броненосца. Там его только озвучили, а затем послушно исполнили. В подтверждение этих слов вновь обратимся к воспоминаниям участника восстания на «Потемкине» машиниста Степана Денисенко. Вот как он говорит о событиях, последовавших после убийства офицеров: «Обед был подан поздно и по окончании его раздался барабанный бой; команда собралась на передней части корабля. Вышел Матюшенко (!) и заявил, что мы направимся в Одессу, куда придет эскадра и присоединится к нам (!). Затем он предложил выбрать комитет для управления кораблем. Председателем был избран Матюшенко... Вообще необходимо отметить геройство тов. Матюшенко. Он был душой восстания и всегда был впереди... Комитет наш заседал все время, вырабатывая план дальнейших действий. Но план комитета не совпадал с широкими перспективами самого Матюшенко (!)». Итак, принимая на веру рассказ Денисенко, мы узнаем, что Матюшенко

сразу же прибрал власть на корабле к своим рукам. Затем, даже вопреки большинству корабельного комитета, он настойчиво проводил в жизнь «одесскую линию», которая многим не нравилась, не гнушаясь даже прямым обманом (утверждение о скором приходе в Одессу восставшей севастопольской эскадры).

Тем временем в Одессе происходили весьма серьезные события.

Однако, перед тем как описать одесские события лета 1905 года, заметим, что в то время Одесса занимала в табели о рангах городов России совсем не то место, которое она занимает сегодня на Украине и даже ранее в СССР. Сегодня Одесса – это один из крупных промышленных центров и достаточно второстепенный курорт. Но в начале XX века все было не так. Одесса была третьим по величине, политическому значению, развитию промышленности и торговли городом всей Российской империи вслед за Санкт-Петербургом и Москвой. Киев, к примеру, тогда был обычным второстепенным провинциальным губернским центром. По существу, это была южная столица России – богатейший промышленно-торговый центр с крупнейшим морским портом, через который шел почти весь экспорт зерна из страны. А потому в событиях 1905 года и роль Одессы была особой.

Теперь обратимся не к трудам ангажированных историков, а к непосредственным свидетелям тех далеких одесских событий. Очень любопытно описаны одесские события в воспоминаниях героя Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн генерала Д. И. Гурко. В русской императорской и белогвардейской армиях сын знаменитого фельдмаршала и сам боевой генерал Д. И. Гурко считался образцом личной храбрости и офицерской чести, а потому сомневаться в правдивости его воспоминаний не приходится. Автор не пытается кого-то сделать героем, ни террористов-боевиков, ни мордобойца генерала Каульбарса, ни себя. Вот что написал Д. И. Гурко об Одессе, где был летом 1905 года: «Мы оба (со своим товарищем офицером Головиным. – *В. III.*) прибавили шагу и быстро сошлись с манифестантами. Надо было или удирать, или атаковать и, в случае неудачи, быть растерзанными толпой. Мы сошлись. Головин ударил в ухо первого, который с ним столкнулся. Я последовал его примеру. Оба повалились и бежали, бросив флаги. Головин ударил второго, который тоже повалился. Против меня оказался молодой еврей с револьвером в руках. Не давая ему времени выстрелить, я ударил его в зубы. Он выронил револьвер и с криком “ай, вай” упал, затем вскочил и побежал. Я замахнулся, чтобы ударить третьего, но не пришлось. Вся толпа с криком “городовой” побежала.

Из-за угла появился патруль Люблинского полка и из соседних домов показались люди, которые кричали, должно быть, нам: “Ура!” На месте сражения остались несколько флагов и пара женских панталон. Патруль поломал флаги и на одно древко насадил панталоны. Мы с Головиным расстались, назначив встречу через 2 часа на Соборной площади, куда к этому времени должны были прийти несколько рот Люблинского полка.

Я взял извозчика и поехал завтракать. Извозчик был хромым и подвигался медленно. На Дерибасовской улице из окна третьего этажа высунулся еврей и выстрелил из револьвера 7 раз.

Несмотря на то, что расстояние не превышало пяти шагов, он выстрелил с такой меткостью, что не попал ни в меня, ни в извозчика, ни в пролетку. Тотчас собралась толпа, и я пошел обыскивать дом, который не имел ни проходного двора, ни хода на соседнюю крышу. Осмотрев его сверху донизу, мы никого подозрительного не нашли и собрались обсудить дело на улице около ворот дома.

Стрелявший непременно в доме, так как никуда уйти не мог. В это время из ворот дома послышался женский крик “Вот он!”, и в воротах показалась внушительного телосложения сестра милосердия. В одной руке она держала за шиворот щуплого еврея, другой намолачивала его рукояткой револьвера «Смит и Вессон» по голове. Весьма возбужденно она нам рассказала, что нашла еврея в W.C. (ватер клозет. – *В. III.*), куда сама хотела войти, но дверь

оказалась запертой. Посмотрев в щель, она увидела еврея, который сидел там и держал в руках револьвер. Она высадила плечом дверь, отобрала у него револьвер и притащила сюда.

Все время рассказа сестра милосердия продолжала держать револьвер за дуло и им размахивала. Я подошел к ней и попросил отдать револьвер мне.

– Он может быть заряжен и может выстрелить.

Она это исполнила. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что револьвер не только заряжен, но взведен на боевой взвод. Она этим револьвером не только жестикулировала, держа за дуло, но намолачивала еврея по голове, и он не выстрелил. Вот что называется чудом.

Я только спросил у еврея, почему он хотел меня убить. Щелкая зубами, он сказал, что только хотел меня напугать. Но это была явная ложь. Выстрелил он просто оттого, что я был офицер. Напугался же не я, а он. Я передал его патрулю, чтобы отвести в участок. К несчастью, в участке все задерживаемые смешивались и никакой следователь не мог отличить простого пьяницу от убийцы.

Через несколько дней войска это сами исправили; если кто-нибудь был пойман на месте преступления, его сдавали патрулю с указанием отвести в дальний участок за Куликово поле и, при попытке сбежать, застрелить. Задержанный, конечно, на Куликовом поле бежал, и патруль делал свое дело. После этого убийства и покушения сразу прекратились.

Придя на Соборную площадь, я получил в командование роту. Положение войск в это время было очень тяжелое. С одной стороны, им приказано было прекращать погромы, с другой – толпа их встречала пением гимна, а отдельные евреи стреляли по ним из верхних этажей, и поймать их было трудно.

Каульбарс отдал приказ, согласно которому дом, из которого стреляют, будет разнесен артиллерией. Фактически это было трудно исполнить – разрыв гранаты на узкой улице ранил бы только прислугу орудия, лишь слегка разрушив здание.

На другой день был назначен церковный парад. После парада барон Каульбарс собрал вокруг себя офицеров и унтер-офицеров парада и обратился к ним с речью следующего содержания: теперь Государем императором объявлена свобода и равенство и поэтому, если кто-нибудь арестован за проступок, то с ним следует обращаться вежливо и отнюдь не бить, каков бы его проступок ни был. Не успел он своей речи закончить, как из верхнего этажа соседнего дома начали стрелять по группе, собравшейся кругом барона Каульбарса. Бросились в дом, но он оказался с проходным двором, и никого не нашли. Тогда Каульбарс приказал привести ему владельца дома. Пришел какой-то наглый еврей-интеллигент, и он ему сказал, что дом его будет разнесен артиллерией. Еврей нахально ему ответил:

– Мало ли что Вы приказываете, я не могу отвечать за моих жильцов.

Каульбарс рассердился и ударил еврея два раза по лицу. Я услышал голос унтер-офицера, который сказал:

– Умный у нас командующий войсками, сначала умно объяснил, что не надо никого и пальцем трогать, а потом показал, как следует делать.

Одесское общество или, по крайней мере, часть его, приняло деятельное участие в работе против революции. Появился Союз русского народа, который на первых порах был антиеврейским обществом.

Основали, в противовес двум еврейским газетам, “Одесский дневник” и “Одесские новости”, свою – антиеврейскую, то есть контрреволюционную. Я принимал в этом деятельное участие и придумал ей название “Русская речь” – по имени газеты, которую когда-то, в конце пятидесятых годов издавала моя бабушка – графиня Салиас. Деньги на газету собрали быстро, но сотрудников оказалось не так легко найти, все были евреями. В конце концов, пришел ко мне какой-то тип, с явно семитической физиономией. Он пришел показать образцы своих репортажей. Они были грамотно написаны. Просмотрев их, я сказал:

– Но наша газета антисемитская и корреспонденции должны быть такими.

– А как вы будете платить?

Я назвал нашу таксу.

– Наличными?

– Конечно.

– Тогда я ваш, и какой будет взгляд, хотя бы антисемитский, мне все равно!

Я ему предложил писать для пробы неделю, он согласился и на следующий день принес корреспонденцию. Она была явно антисемитская и интересная и давала цифры и результаты набора во время мобилизации нашей последней войны. Корреспонденция меня настолько заинтересовала, что я пошел ее проверить у командира полка полковника Сулькевича, с которым я был близко знаком. Он ее проверил и немного уточнил. Вот вкратце ее содержание.

Для пояснения должен сказать, что наши полки комплектовались из жителей своего округа, и им придавалось от 15 до 20 % дополнительного элемента, в который входили поляки, жители Закавказья, татары и евреи, но мобилизовались они исключительно из своего округа расположения в мирное время. Люблинский полк мобилизовался из Одесского округа и получил поэтому 50 % евреев, иначе говоря, на роту в 200 человек приходилось 100 человек евреев. Но тут началось массовое уклонение евреев от мобилизации, и удалось набрать только 32 % евреев, то есть 32–33 человека на роту. Когда же полк посадили в вагоны, началось массовое бегство евреев, несмотря на риск, они на ходу соскакивали с поездов. Когда полк пришел в Мукден, один из ротных командиров обратился к Сулькевичу с просьбой урегулировать число евреев в ротах. Он все делал, чтобы евреи его роты не бежали, в его роте до сих пор 22 еврея, тогда как есть роты, где их всего 5. Очевидно, его рота будет менее боеспособна, чем другие. Сулькевич с ним согласился и разделил евреев поровну между ротами. Оказалось 9 и 1/5 еврея на роту, итого число уклонившихся и бежавших при мобилизации евреев оказалось равным 90 % с лишним, число же всех уклонившихся и бежавших неевреев оказалось равным 0,7 %.

Одесское общество большей частью было настроено против революции. Так оказалось потому, что оно было сплошь антисемитично и бросилось в сторону контрреволюции, когда увидело, что все евреи за революцию. Оно инстинктивно поняло, что торжество революции будет и торжеством еврейства, а это (они знали наперед) будет их гибелью. Они хорошо знали евреев, живя городе, где их было 39 %. Характерно, что в Одессе даже все дураки были антисемитами, обратное тому, что было в России. Там все дураки были за революцию и за евреев».

Еще более интересна и даже сенсационна публикация хорошо известного в начале XX века столичного писателя и журналиста С. Орлицкого. В мартовском номере журнала «Исторический вестник» за 1907 год он написал статью о событиях в Одессе. Много лет спустя эта статья была перепечатана журналом «Чудеса и приключения» (№ 4 за 2000 год).

Воспоминания С. Орлицкого ценны тем, что он был непосредственным свидетелем знаменитого Одесского восстания 1905 года и человеком, придерживавшимся умеренно либеральных взглядов, т. е. не революционером и не черносотенцем. Итак, что же пишет оказавшийся в июне 1905 года в Одессе писатель-либерал? Что он там увидел? По словам С. Орлицкого, он сразу же попал там в «круговорот начавшегося освободительного движения». В центре круговорота – некий таинственный комитет, выступавший под лозунгом: «За социальную пролетарскую республику!» Территориально комитет располагался в... приюте для неимущих стариков имени Пушкина. Конспирации комитетчики никакой не соблюдали, а потому С. Орлицкий мог свободно с ними беседовать. Писатель приводит весьма знаменательный диалог с одним из лидеров этого комитета, неким Сергеем Самуиловичем Цукербергом.

Орлицкий спрашивает Цукерберга, на чью помощь рассчитывает комитет.

Цукерберг: Моряки уже с нами за освободительное движение. Сегодня, надеемся, в собрании будет и бравый лейтенант Шмидт. Вот увидите и услышите будущего адмирала Черноморского флота, когда мы завладеем эскадрой!

Орлицкий: А когда вы завладеете эскадрой?

Цукерберг: Матросы на нашей стороне. Офицеров, которые не согласны, Шмидт обещает побросать в воду. А раз броненосцы будут наши – весь юг будет наш. Здесь создается Южная республика с Крымом и плодороднейшими землями Волыни и Подолии... Пусть старая насильница, некультурная Москва погибает от внутренних раздоров. Это нас, южан, не касается... У нас будет чудное, незамерзающее море и лучшие пшеничные земли, виноградники и шелководство, первоклассные порты и крепость Севастополь с броненосным флотом.

Орлицкий: А народ Южной республики?

Цукерберг: Народ! Эти хохлы-волопасы пойдут за интеллигенцией... У нас капиталы, наука, энергия; мы господа в торговле и политике. Заставим, коли добром не уживутся...

Орлицкий: Выходит, ваша Южная республика со столицей Одессой будет царством евреев?

Цукерберг: А хотя бы и так! Пусть будет снова царство семитов. В России его основать удобнее, чем в песках Палестины или где-нибудь в Уганде. На Черном море воскресим Карфаген... Мы, евреи, создадим торговое государство, создадим капиталы, торговлю, коммерческий флот... Занимать деньги со временем Европа будет у нас, в Одессе, а не в Париже или Берлине... Богачам-евреям, которые сейчас скупаются на революцию, достанется! Их склады сожгут, дома разграбят. Будут убитые, раненые, оскверненные синагоги. Мы к этому готовы. Это не больше, как расплата за грядущее восстановление царства семитов на Черном море. Не в далекой Палестине или Аргентине оно должно воскреснуть, а здесь, где миллионы евреев живут уже сотни лет...

Орлицкий: Когда же начнется восстание?

Цукерберг: Ждем сигнала, а у нас в городе все давно готово!

Далее С. Орлицкий пишет, что, будучи поражен планами комитета, он остался на начинавшемся митинге, где услышал еще более удивительные вещи: оказывается, лейтенанта Шмидта комитетчики прочили в протекторы Южно-русской республики до того момента, когда все успокоится и будет избран президент. Услышал С. Орлицкий и то, что в предстоящих событиях решающая роль отводится броненосцу «Потемкин». В назначенный день на нем якобы должно произойти восстание и броненосец должен прийти в Одессу. По плану он должен был произвести артиллерийский обстрел правительственных войск.

Восстание в Одессе, как известно, началось утром 13 июня 1905 года. В этот день во время столкновения полиции и забастовщиков около завода Гена на Пересыпи выстрелом из толпы был кто-то убит. Кто именно, так и осталось неизвестным, но это уже никого не волновало. Нужен был повод, и этот повод нашелся! Тело убитого подняли на носилки и с пением «Варшавянки» носили по рабочим кварталам. Весть об убийстве мгновенно разнеслась по городу. Остановился трамвай, стала железная дорога. На следующий день к полудню забастовка стала всеобщей. Владельцам магазинов, рынков и лавок было велено закрыться. Если кто отказывался это сделать, к нему тут же направлялись отряды молодых людей, которые обрезками труб и кирпичами крушили витрины и окна. Начались стычки с полицией. Кое-где стали появляться и баррикады. Восставшие и полиция стояли друг против друга в готовности к схватке. Никто не решался начать первым. Все ждали. Полиция – подхода правительственных войск. Восставшие... прихода мятежного броненосца.

Ба, да тож известный всей Одессе Фельдман!

И в этот самый напряженный для города момент туда приходит «Потемкин». Вечером 14 июня броненосец в сопровождении миноносца пришел в Одессу и стал на внешнем рейде. В тот же вечер миноноска зашла во внутреннюю гавань за водой. Портový надзиратель сделал запрос о командире и цели прихода. Матросы ответили, что пришли с Тендры, а командир съехал на берег. Почему соврали? Думаю, что от трусости. Ситуация в Одессе была для них еще неясной, и Матюшенко боялся реакции местных властей. По приходу на берег были отправлены лазутчики, и к утру ситуация в городе более-менее стала понятной. И тогда решено было действовать.

Утром 15 июня на «Потемкине» были подняты флаги расцвечивания. Матросы украсили броненосец революционными лозунгами. Около 6 часов утра к Новому молу подошли миноноска № 267, паровой катер и шлюпка с «Потемкина». Они доставили на берег тело Г. Н. Вакуленчука, почетный караул и делегацию матросов (всего около 40 человек).

Вакуленчука положили на Новом молу с запиской на груди. «Почтеннейшая публика! Г. г. одесситы, перед вами лежит труп зверски убитого старшим офицером броненосца “Князь Потемкин Таврический” матроса Вакуленчука, за то, что он осмелился заявить, что борщ никуда не годится. Товарищи, осеним себя крестным знаменем и постоим за себя. Смерть угнетателям, смерть вампирам, да здравствует свобода... Команда броненосца “Князь Потемкин Таврический”». Уже в самой записке было полное вранье относительно Вакуленчука, у которого, как мы уже знаем, никаких претензий в отношении плохого борща никогда не было. Но какое это уже имело теперь значение? Труп убитого матроса должен был призвать к неповиновению властям теперь уже население Одессы. Умиляет и почти цирковое обращение – «почтеннейшая публика», но, как говорится, как могли, так и написали.

Б. И. Гаврилов своей книге «В борьбе за свободу» пишет: «Как только делегация ушла в город, казаки и полиция попытались разогнать потемкинцев, охранявших тело Вакуленчука. Рабочие, находившиеся в порту, сообщили об этом на броненосец. Судовая комиссия распорядилась приготовиться открыть огонь по казакам из корабельных орудий. На фок-мачте “Потемкина” взвился боевой красный вымпел. Матросы почетного караула крикнули рабочим, что броненосец открывает огонь. Этого было достаточно, чтобы казаки и полиция покинули порт.

Для предупреждения подобных инцидентов в будущем комиссия “Потемкина” направила французскому консулу заявление и попросила передать его городским властям Одессы. В заявлении говорилось: “Почтеннейшая публика города Одессы! Командой броненосца “Князь Потемкин Таврический” сегодня, 15 июня, было с корабля свезено мертвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному обряду. После чего, пройдя несколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертвого тела, казаки разогнали. Тело оставлено без надзора. Команда броненосца просит публику города Одессы: 1) не делать препятствия в погребении матроса с корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюдение над правилами; требовать от полиции, а также и казаков прекратить свои напрасные набеги, почему это все бесполезно; 3) не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца рабочей партией; 4) команда просит публику города Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований. В случае, если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет произведена по городу орудийная стрельба из всех орудий. Почему команда предупреждает публику и, в случае возникновения стрельбы, просит удалиться из города тех, которые не желают участ-

вывать в противодействии. Кроме того, нам ожидается помощь из Севастополя для этой цели – несколько броненосцев, и тогда будет хуже».

Делегации матросов удалось установить связь с Одесским комитетом РСДРП, но разыскать консула они не смогли и, купив свежей провизии для экипажа, вернулись в порт. Интересно отметить, что при покупке провизии матросы честно расплатились по векселю, оставленному накануне мичманом А. Н. Макаровым в уплату за мясо, послужившее поводом к восстанию.

Портовые рабочие помогли матросам доставить провизию на восставший броненосец. Они по своей инициативе захватили портовые катера и под руководством прибывшего на берег А. Н. Матюшенко переправили провизию на «Потемкин». Туда же матросы пригласили и приказчиков из тех магазинов, где брали провизию, и сделали им дополнительные заказы.

Одновременно одесские большевики, члены стачечного комитета Пересыпского района братья Г. П. и Ф. П. Ачкановы, также по приглашению матросов прибыли на броненосец и рассказали о положении в городе. По просьбе восставших Ф. П. Ачканов дополнительно связался с Одесским большевистским комитетом.

Стаечный комитет Пересыпи выделил десять делегатов для организации снабжения «Потемкина» углем. Делегаты указали матросам на пришедший из Мариуполя угольщик «Эмеранс», который разгружался у пристани угольной набережной. Потемкинцы решили реквизировать груз «Эмеранса» для нужд революции. По их требованию выгрузка была немедленно прекращена. Потемкинцы и делегаты стачечного комитета обратились к рабочим с просьбой помочь перегрузить уголь на броненосец. Рабочие с радостью согласились. Около 300 грузчиков поднялись на борт «Эмеранса» и помогли завести буксир на миноноску № 267. В 12 часов 30 минут угольщик и миноноска № 267 подошли к «Потемкину». Бывший матрос «Эмеранса» В. Бабий вспоминал: «Это была поистине символическая встреча. Многие рабочие и матросы обнимались и целовались, обещая поддерживать друг друга в революционной борьбе».

На самом деле целованием и обещаниями братской любви и дружбы взаимоотношения потемкинцев с рабочими и закончились. Заметим, что ближе к вечеру, когда в порту начался пожар, матросы почетного караула, бросив тело Вакуленчука на молу, вернулись на броненосец, как говорится, мертвому все одно, а заботиться надо о живых.

Едва «Потемкин» бросил якорь на одесском рейде, матюшенковцы сразу же приступили к захвату стоящих в порту судов. Уже около 10 часов утра миноносец, сопровождаемый паровым катером с вооруженными матросами, захватил груженный углем купеческий пароход «Эмеранс», с которого на броненосец перегрузили 15 тысяч пудов угля. В этот же день с утра на броненосец повалила публика. Темные личности прямо с лодок кричали антиправительственные лозунги, призывая идти и убивать представителей власти. Матросы ораторов слушали, но на борт не пускали. Странное исключение было сделано только двум господам, которые уверенно подплыли на ялике к трапу и столь же уверенно поднялись по нему по трапу на палубу. Там их уже явно ждали. Прибывшие оказались членами еврейской революционной партии Бунда Абрам Березовский, назвавшийся «товарищем Кириллом», Константин Фельдман, назвавшийся студентом «Ивановым». Отныне именно им было велено руководить мятежным броненосцем.

Переодевшись в матроса и став, таким образом, настоящим «братком», Фельдман при помощи Матюшенко собрал команду и объявил: на берегу идет восстание против правительства; армия готова к нему присоединиться и ожидает только сигнала с «Потемкина». Все это было полным враньем. Никакого народного восстания в Одессе не было. В это время толпы пьяных уголовников ждали ночи, чтобы начать новые поджоги, грабежи и убийства, и армия вовсе не жаждала к ним присоединиться. Вранье, впрочем, имело далеко идущие цели. Прибывшие бундовцы призвали потемкинцев помочь восставшим пролетариям... бомбардиров-

кой Одессы из всех орудий броненосца. То же самое требовали и «товарищ Кирилл» с Матюшенко. Вне всяких сомнений, что Фельдман с Березовским прибыли на «Потемкин», уже имея задание о расстреле беззащитного города. Это была самая настоящая чудовищная провокация, имевшая целью залить Одессу кровью, свалив затем все на официальные власти. «Надо немедленно заставить матросов высадить десант, вместе с рабочими взять город и основать республику в Одессе, – писал впоследствии в воспоминаниях Фельдман. – Нужно было спешить к броненосцу. Не было времени сноситься с организациями, и я решил действовать за своей личной ответственностью».

Вспоминает участник событий М. И. Лебедев: «...Одесская революционная организация посылает на “Потемкин” двух своих представителей т.т. “Кирилл” (кличка) и Фельдмана, которым суждено сыграть впоследствии крупнейшую роль в событиях этих дней. На красном “Потемкине” избирается революционная комиссия для руководства оперативными действиями корабля и вообще для управления таковым. В состав комиссии вошли вышеуказанные т.т. “Кирилл” и Фельдман, инженер-механик А. Коваленко (впоследствии оказался эсером. – В. III.)... Возглавлять комиссию, а также и корабль стал матрос Матюшенко».

Очень любопытное признание! На первый взгляд непонятно, почему вместо только что избранного у Тендеровской косы комитета на «Потемкине» с приходом в Одессу срочно назначается новый. Чем был плох первый и чем он отличался от второго? Дело в том, что первый комитет был составлен полностью из матросов «Потемкина» и влияние там Матюшенко, видимо, все же не было безграничным. По-видимому, в первом комитете были и люди Вакуленчука. Именно поэтому во втором комитете уже почти нет представителей команды, а уж «вакуленчуковцев» так точно, зато имеются одесские революционеры – сионисты, которых Матюшенко принял, как своих старых знакомых, с распростертыми объятиями. Едва появившись на корабле, и «Кирилл» и Фельдман сразу же стали им командовать. Любопытна и оговорка Лебедева о «крупнейшей роли» в Одесских событиях все тех же товарищей «Кирилла» и Фельдмана. Чем именно занималась на борту пригнанного в Одессу корабля эта парочка революционеров, в точности мы не знаем, но не верить на слово М. И. Лебедеву у нас оснований нет. Совершенно ясно одно, что с момента появления в Одесском порту «Потемкин» и его команда стали марионетками в руках заправил Одесской смуты и беспрекословно исполняли все их указания.

А теперь представим себе: восставший корабль приходит в порт и там на его борт поднимаются две никому не известные личности, которые заявляют:

– Мы пришли, чтобы вами командовать! Теперь мы тут главные, и вы все должны нас слушаться!

После этого команда безропотно подчиняется этим, неведь откуда взявшимся, субъектам и позволяет им делать с собой все, что заблагорассудится. Могло ли быть такое в действительности? Да никогда! Проходимцев бы в лучшем случае просто вышвырнули за борт! Тогда почему же товарищей «Кирилла» и Фельдмана не выбросили за борт, а встретили с распростертыми объятиями и кто именно встретил? А встретили их с радостью потому, что все было уже оговорено заранее. Приведя «Потемкин» в Одессу, Матюшенко свою главную задачу уже выполнил и, встретив прибывших, с готовностью передал им бразды правления, оставшись при этих руководящих «товарищах» как представитель команды. Заметим, что по приходе «Потемкина» пробраться на него пытались представители многих партий, но всех их сразу же заворачивали обратно, всех, кроме «Кирилла» и Фельдмана, власть которых на броненосце сразу же признали. Силы, спровоцировавшие мятеж на «Потемкине», заранее рассчитывали, что приход мятежного броненосца в Одессу поможет им переломить ситуацию в городе в свою пользу и захватить Одессу. Но с самого начала восстания, все пошло не так, как предполагалось.

В своих воспоминаниях Фельдман подробно рассказывает, как он случайно узнал о приходе броненосца в Одессу, как случайно приехал в порт в студенческой фуражке, как случайно попал в идущий на «Потемкин» катер, в котором так же случайно познакомился с Матюшенко, как случайно оказался на броненосце и так же совершенно случайно попал на заседание судовой комиссии, в состав которой, к своему полному удивлению, сразу же и вошел. В общем одна сплошная случайность. Увы, во все это никак не верится. При всей своей политической наивности потемкинцы, и в том числе Матюшенко, не были полными идиотами, чтобы назначать своим руководителем первого прискакавшего к ним одесского студента. На самом деле все было решено заранее, и решено совсем иными людьми, а не Матюшенко с Фельдманом. Последние лишь выполнили в данном случае указание сверху.

Прибыв на броненосец, Фельдман, по его словам, увидел следующую картину: «Из первых же разговоров на корабле стало ясно, что положение тут не такое простое, каким оно казалось со стороны. Вместо ожидаемого энтузиазма мы встретили здесь серый прием и неопределенное настроение. Матросы как будто сами были удивлены своим делом, не свыклись еще с новизной положения, не зная еще, что делать, куда и с кем идти».

Вот как описывает Фельдман свое знакомство с командой «Потемкина»: «В задних рядах кто-то крикнул: “Долой вольных!” Это был сигнал, его подхватило несколько голосов в противоположном конце помещения. Шептуны были расставлены умело. Хор их голосов нарастал слаженно. Он увлекал за собой колеблющихся. Выкрики усиливались. Голоса ударялись о стальные стены и потолок батарейной палубы, отражались, неслись отовсюду. Помещение было слабо освещено. Создавалось впечатление, что вся команда против нас. Если “организованным” не удастся отбить эту атаку, нам придется покинуть корабль... Как ветром сдуло с Дымченко обычное выражение добродушия. Он стал похож на заправского унтер-офицера. Начальственно загремел его голос: “Смирно!”» На этом вся матюшенковская демократия собственно и закончилась.

Проходит день, и снова команда поднимается против Фельдмана с Березовским. Снова предоставим слово Фельдману: «Команда в массе своей была еще политически неопытна и кондуктора искусно играли на ее предрассудках. Когда кто-нибудь из членов “тройки” (Матюшенко, Фельдман, Березовский. – В. Ш.) брал слово, они кричали: “Долой вольных!” Разумеется, потом Фельдман пишет, как своими пламенными речами он пробудил любовь матросов к себе, но в это как-то не очень верится.

Судовая комиссия целыми днями заседает в адмиральском салоне. Заметим, что из адмиральского салона был сразу же выброшен за борт портрет Николая Второго, но портрет князя Потемкина при этом остался на своем месте. Очевидно, ничего плохого в деятельности светлейшего революционеры для себя не усмотрели.

Интересно, что в своей книге Фельдман проговаривается о планах создания все той же Южнорусской республики под эгидой Бунда, т. е. о фактическом расчленении России. Он пишет: «Занятый агитацией на корабле, я не присутствовал на совещании потемкинской комиссии с приехавшими на корабль уполномоченными всех одесских социал-демократических организаций (большевики, меньшевики, Бунд). Когда я вошел в адмиральскую, где происходило заседание, оно уже заканчивалось. Товарищи Афанасий и Наташа энергично призывали матросов захватить город. Наташа – пламенная большевичка Дальника – предложила следующий план. Броненосец высадит немедленно десант. Под его охраной тысячи рабочих, ожидавших матросов в порту, построятся в колонны и понесут тело Вакуленчука на кладбище через весь город. По дороге рабочие и матросы начнут братание с войсками. Соединенными усилиями они захватят правительственные учреждения, арестуют одесские власти и провозгласят южно-русскую республику. Комиссия ответила отказом. “Количество матросов на корабле, – говорили члены комиссии, – строго соответствует его нуждам. Кроме

того, в десант должны войти самые сознательные боевые матросы. Это неизбежно вызовет упадок духа команды, а может быть и потерю броненосца”».

Заметим, что за десант высказываются только понаехавшие на корабль революционеры всех толков. Из команды их поддерживает только один Матюшенко, все же остальные члены судовой комиссии против. Местные революционеры требовали от Матюшенко высадить в город десант 300–400 человек. Матюшенко сначала был за десант, но потом резко поменял свое мнение и выступил против, ссылаясь на то, что на корабле должна была быть полная команда. Разумеется, слова Матюшенко просто отговорка. Но почему такой деятельный и всегда решительный Матюшенко вдруг отказался от активных действий на берегу, ради которых, собственно, и привел броненосец в Одессу. Причина могла быть здесь только одна – Матюшенко совсем не был уверен в команде «Потемкина», не без оснований полагая, что высаженный на берег десант сразу же разбежится в разные стороны и сдастся властям, после чего уже сдаваться придется и самому кораблю. Количество преданных ему людей не превышало нескольких десятков, и, если на корабле этим количеством сторонников еще как-то можно было контролировать ситуацию, то в случае организации десанта это было уже невозможно.

Любопытно и то, что во время обсуждения, высаживать десант или нет, в адмиральский салон вошел представитель команды, который заявил, что команда категорически выступает против присутствия «вольных» на корабле и требует их удаления. Несолоно хлебавши, всей революционной братии пришлось убраться восвояси. Матюшенко удалось отстоять лишь двух, тех, кто изначально и был определен на восставший броненосец устроителями южно-русской республики – Фельдмана и Березовского.

Далее Фельдман с горечью отмечает: «Мы убеждали матросов сойти на берег и примкнуть к восставшему народу, но матросы отказывались покинуть корабль и сойти на берег, чтобы вместе с рабочими захватить город, повелеваясь своему сознанию». Матросы не поддались и уговорам Фельдмана стрелять по городу, а кроме этого воспротивились и поднятию красного флага на «Потемкине».

В своих воспоминаниях Фельдман, как только может, открещается от своего эсеровско-бундовского прошлого, выдавая себя даже не просто за социал-демократа, а за самого правоверного большевика. Он поносит своих однопартийщиков эсеров. Особенно смешна сцена, когда эсер Шестидесятый грозит утопить прибывшего на лодке представителя эсеров, заявляя, что он большевик. Если бы история сложилась так, что к власти в России пришли эсеры, книга Фельдмана, думается, выглядела бы по-иному, в ней герои эсеры изгоняли бы незадачливых большевиков.

Судовая комиссия «Потемкина» вынесла решение никого больше не допускать на корабль. В результате не смогли попасть на него член Одесского большевистского комитета Хрусталев и известный революционер-большевик Губельман (Ярославский). Они тоже торопились на броненосец, чтобы возглавить мятеж, но их опередили более предприимчивые. Фельдман оказался шустрее Губельмана. Лодку же, в которой плыл Губельман-Ярославский, обстреляли с «Потемкина» из винтовок, таким образом Фельдман с Березовским боролись с конкурентами. Не испытывая более судьбу, будущий главный атеист СССР повернул восвояси.

«Решительное вмешательство “Потемкина” в разгоревшуюся борьбу могло обеспечить, – сетовал впоследствии большевик Губельман-Ярославский, – захват города в течение двух-трех часов. Для этого было достаточно под прикрытием корабельной артиллерии высадить матросский десант и вооружить рабочих винтовками и револьверами из запасов “Потемкина”. Захват полицейских участков и арсеналов мог дать оружие новым отрядам готовых к борьбе рабочих, и перед мощью и революционным энтузиазмом пролетарской армии не устояли бы ни казачьи отряды, ни немногочисленные еще войска с их не оправив-

шимся от растерянности начальством. Переход в руки восставших Одессы – крупнейшего и гласного в Причерноморье портового и рабочего города, обеспечив решительную консолидацию сил на “Потемкине”, содействовал бы и резкой активизации революционных сил на кораблях эскадры, которая неминуемо должна была бы присоединиться к “Потемкину”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.